

16+

Арман
Цыбульский

ЦЫГАНКА ВО ТЬМЕ

Мистический роман

Арман Цыбульский

Цыганка во тьме

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Цыбульский А.

Цыганка во тьме / А. Цыбульский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Действие мистического романа происходит в недалеком будущем. На фоне разразившейся третьей мировой войны судьба пожилой цыганки волнует немногих, тем более, что она сама отталкивает от себя всех окружающих, включая представителей собственной диаспоры. Но даже апокалипсис начинается с одного человека. А также судьба всего человечества может зависеть от одной невзрачной, коротающей свои годы цыганки. Умершие муж и сыновья героини первыми приняли дьявола на Земле, и смыть этот грех теперь можно только кровью, остановив при этом кровопролитие всех остальных людей на планете.

© Цыбульский А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

1.

Старая цыганка, сгорбленная и неопрятная, с чёрными густыми волосами пробиралась по комнатам и коридорам заброшенного дома вслед за своими тремя сыновьями и мужем. Те держались вместе и шли как-то слишком уверенно и легко по труднопроходимым помещениям. Зато перед ней словно собрались все препятствия сразу: перевёрнутая прогнившая мебель, провалившиеся местами полы и густая тьма, окутывающая вплоть до самого сознания. Разглядеть она могла лишь те участки дома, которые выхватывал через выбитые стёкла и полуразрушенную стену свет луны. Пахло сыростью и гнилью.

Женщина торопилась, потому что всё больше отставала от родных. А те, бледно освещённые лунным светом, молча призывали её жестами из расстелившегося по дому голубого тумана, мол, давай быстрее, что ты медлишь! Цыганка крикнула им вдогонку: «Ребятки мои, может, вы проголодались? Мимо кухни идём! Давайте сварю чего-нибудь?». Но они безмолвно замахали руками, будто остерегаясь привлечь чьё-то внимание: «Какая кухня? Какая еда? Скорее идём!». Женщина сильно устала, но ей очень хотелось пойти за ними, и она продолжила пробираться через завалы. Дом казался нереально большим, а комнаты будто складывались в лабиринт. Лунный свет стал меньше пробиваться внутрь, а и без того густая тьма захватывала большие территории. Передвигаться стало ещё сложнее. Но это не останавливало цыганку, она знала, что должна найти портал и открыть его. Нужно только успеть. Она чувствовала, как пот стекал по лицу, а под ногами периодически вздрагивал пол от сильных толчков где-то снаружи. Он словно подпрыгивал, а потом с волнами вибраций возвращался на своё место. Эти вибрации встряхивали стены и груды хлама в помещении, а где-то далеко, за пределами дома, через несколько мгновений раздавался хлопок и раскаты грома.

Портал, словно живое существо, всячески препятствовал их продвижению. Но они всё же добрались. В конце лабиринта, в центре стены, виднелась огромная, поросшая выюнами, арка. Но внутри неё не было никакого прохода. В этот момент цыганка вспомнила, что забыла ключ от портала при входе в дом, а ещё она забыла погасить свет в прихожей. Она озабоченно бросила мужу и детям: «Ждите здесь! Я сейчас!» и, не объясняя ничего, побежала назад.

Женщина вспомнила, что назад есть путь проще и короче, и пошла по нему. Очень быстро и легко она оказалась недалеко от места, где хранился ключ в портал. Но к самому ключу ей нужно было пройти по просторной, но тёмной кухне, в которую, впрочем, немного попадал лунный свет. Цыганка легко прошла через бледно-голубой туман к старинному, неплохо сохранившемуся среди прочей полуразвалившейся мебели, шкафу, который даже чем-то сам притягивал её к себе. Она со скрипом открыла дверцу и увидела там множество разнообразных сладостей, на удивление свежих. Конфеты в блестящих фантиках, зефир, шоколад, пахлава, рахат-лукум – притягивали её взгляд, но она отпрянула назад, зная, что нужно торопиться. «Ключ, нужно найти ключ!» – подумала она, но вдруг с раздражением и отчаянием поняла, что не знает, где его искать, да и вообще, как он выглядит. В этот момент она почувствовала бесшумное мягкое движение в воздухе, словно что-то обдувало её опахалом: по комнате летали какие-то, сливающиеся с темнотой, птицы. Их было не видно, но цыганка знала, что они есть. Её охватило чувство жадности, в которое тонко вплеталось чувство тревоги: она испугалась за то, что птицы склюют все сладости к тому моменту, как она вернётся, и поэтому решила съесть их сама. Сейчас. Отмахиваясь руками от невидимых птиц, цыганка второпях засовывала себе в рот всё, что попадалось под руку. И когда сладостей заметно убавилось, она увидела за ними, в глубине шкафа, наручные часы. Ничем не примечательные, старинные, механические часы с металлическим браслетом и тёмным циферблатом, но для неё хорошо знакомые – это были часы её мужа. Секундная стрелка ещё дёргалась на месте, словно показывая, что они ещё живы, но остальные замерли на 12-45. Посредине – маленькие белые циферки даты: «08.11.2030». «А Саша по-прежнему любит часы!» – подумала цыганка

о своём муже. Она снова вспомнила, что нужно торопиться, и, вдруг поняв, что часы и есть ключ к portalу, схватила их. Она уже хотела возвращаться, как вдруг взгляд упал на выключатель в прихожей. Она осознала, что свет, который она якобы забыла погасить, погашен, а значит, она забыла его не выключить, а, наоборот, включить! Она подбежала к выключателю и щёлкнула кнопкой, но свет не загорелся. Она нажала клавишу снова, но безрезультатно. Ещё раз – тоже самое. Отчаявшись, она оставила попытки зажечь свет и собралась раствориться в темноте лабиринтов, но за её спиной уже стояли муж и трое сыновей. Она подпрыгнула от неожиданности: «О, Боже! Вы зачем вернулись?». В их глазах читался упрёк, мол, ты опять опоздала! Под ногами в очередной раз задрожал пол, а через секунду раздался хлопок и волна звука, как лавина, накрыла цыганку. Она зажмурилась, закрыла голову руками и услышала звон посыпавшегося стекла. «Стёкол же не было! Давно все выбиты!» – эта мысль, словно молния в темноте, ослепила сознание женщины и отрезвила его.

Она проснулась и привычно быстро, скатившись с кровати на пол, залезла под неё, закрыв голову руками. Сверху посыпались увесистые куски штукатурки. Штуки три-четыре грохнулись на бетонный пол и частично разлетелись на куски, а один даже попал на кровать, где незадолго до этого лежала женщина. Взрыв прозвучал на улице, совсем недалеко от её дома. Через несколько секунд ещё один, но уже дальше. От него здание затряслось позже самого хлопка, и слабее.

В районе, где жила цыганка, боевые действия были нечастыми, и жизнь вроде как шла своим чередом, но раз в месяц случались такие инциденты. Никто из мирных жителей не знал, кто их обстреливал, поэтому каждый возлагал вину на того, кто ему меньше всего нравился и кого он обвинял во всех бедах. В принципе, выбор «козла отпущения» у народа был, ведь конфликтующих сторон было много. Самые значимые, которые были на слуху в России, – это Правительственные Войска, Ополчение, Западный Альянс и Восточная коалиция.

Ещё шесть лет назад было всё проще, потому что было всего две противостоящие стороны: Западный Альянс и Правительственные Войска. Потом, когда Россия в союзе с несколькими восточно-азиатскими странами, нанесла ответный удар по Западу, но была предана Восточной коалицией, возникла ещё одна сторона – Ополчение, действия которых были централизованными и, скорее всего, координировались Западом. Это было начало Третьей мировой войны.

Развивалась она непредсказуемо. Неоднократно казалось, что исход уже очевиден, причём преимуществом овладевали разные стороны, но вдруг ситуация менялась, конфликт разгорался с новой силой, и преимущество уже оказывалось у другой стороны. Разнообразные повороты событий на мировой арене сопровождались интригами, новыми конфликтами, предательствами и образованием новых союзов. Шесть лет можно было бы с интересом наблюдать за ходом войны, если бы на планете осталось хоть одно место с возможностью делать это безопасно. Но когда кулаком в нос бьют вам, то интерес к драке пропадает. Сначала люди лишились привычного комфорта, а после привычными стали смерть, кровь, голод и страх. Несмотря на обильную пропаганду в каждой из стран, простые люди понимали одно: нет никакой духовной направляющей этой войны. Все понимали, что война эта ведётся не между гражданами государств, а между правителями, устроившими передел сфер влияния. Это было очевидно, поэтому несмотря на желание обвинить какую-либо из сторон, общее негодование всё же росло в отношении всех их вместе взятых. Вместе с тем распространялось мнение, что война закончится только тогда, когда не останется ни одной из сторон, а оставшемуся миру придётся принять совершенно новую, единую систему управления, которая совместит весь положительный опыт прошлых государственных систем.

Старая цыганка была уверена, что дожила до того самого времени, которого ждали многие годы: эта война – последняя война человечества. Последняя кровь! Кровь злых людей, которая должна ливнем омыть планету, чтобы очистить от злобы и грехов. Останутся жить

только те, кто понимает, что зло – это смерть. Она не любила озадачиваться философскими вопросами и для себя отвечала на них исключительно интуитивно, но теперь она понимала – миру конец. Апокалипсис наступил. Человечество выживет, но это будут уже другие люди. Более развитые, добрые, сознательные и... чистые. Мир, сохранив свой опыт развития, словно начнёт своё существование заново. Обнулив накопленные обиды. Умирать было нестрашно, она понимала, что должна умереть ради того, чтобы другие жили в лучшем мире.

– Нет мне покоя... – пробубнила себе под нос цыганка, вылезая из-под кровати. – Что же вам нужно-то от меня? – Её испугали не прогремевшие взрывы. Она даже спала в одежде, потому что не хотела оказаться в непристойном виде, если её завалит обломками и спасатели найдут ее труп в ночной рубашке. Это неприлично. Но страха не было. Её встревожил сон, в котором она увидела умерших родственников. Давно ей уже не снились сны.

Цыганка поднялась и, шаркая тапками по пыльному бетонному полу, прошла в кухню своей квартиры. Она открыла холодильник. Единственное, что там было, это почти пустая бутылка водки и полбуханки чёрного хлеба. По холодной бутылке от её пальцев разбежались запотевшие ореолы. Она выплеснула остатки водки в чайную кружку и выпила. Не только не поморщившись, а даже с удовольствием, будто пойло могло быть вкусным. Словно смакуя его горечь, которая больше отрезвляла, чем пьянила, возвращая к жизни и напоминая, что конец ещё не настал, хотя и был уже рядом.

– Царствие небесное... – произнесла цыганка. Она откусила от половинки хлеба, немного задумалась и в раздумьях пробубнила, – Сегодня же свадьба у влахов... (Влахи – этническая группа цыган, значительно отличающаяся от основной группы цыган России, Руска рома, диалектом, обычаями и традициями.) – в её планах появился поход на праздник, на который её не звали. Народа у цыган собирается много, и вряд ли кто-то заметит присутствие одного лишнего, а если и заметят – цыганку не выгонят.

2

Свадьба была в самом разгаре. На кругу («Круг» на цыганской свадьбе – это свободная площадка в центре зала, на которой гости традиционно танцуют. Приходят гости, как правило, всей семьёй, тем же составом выходят на круг по приглашению ведущего.) доплясывали последние семьи гостей.

Какие раньше, до войны, были свадьбы у цыган! Залы арендовались в самых лучших ресторанах, как правило, дворцового типа: колонны, мраморные полы, шикарные занавески с балдахинами, картины... Цыгане всегда любили яркую красоту, роскошь и комфорт. Во всём. И хотя не всем они давались, свадьбы всё равно должны были быть такими, чтобы все многочисленные гости были уверены в важности и состоятельности родителей. Так как реально состоятельных семей было значительно меньше, чем несостоятельных (как, впрочем, в любом обществе), свадьбы уже традиционно становились существенным обременением, при котором нужно было продолжать носить улыбку и изображать радость и беззаботность. Поэтому, как бы это цинично не звучало, для большинства цыган война в некотором роде стала облегчением. Теперь никто не осудит за «бедную» свадьбу, теперь это стало неважно. Война сняла с людей обязанность доказывать своё превосходство. Теперь осталось важным внимание, возможность собраться всем вместе, пообщаться и повеселиться. Здесь старики обменивались новостями, а молодые парни приглядывали девушек. И никаких сплетен, никакой зависти, лжи... Страдания сплотили людей и очистили от злости друг к другу.

Зал под свадьбу был арендован в школьной столовой. Никаких колон и мрамора, главное, что мест для всех приглашённых хватало. Кроме того, школа разрешила воспользоваться колонками и микрофоном, что очень обрадовало родителей, так как снимало проблему развлечения гостей. Если до войны свадьбы уже не обходились без приглашения известных арти-

стов, то сейчас, имея колонки и микрофон, вполне достаточно было и неизвестных, которыми в цыганском обществе был каждый третий.

– А сейчас Саня Пхаро (Пхаро *цыг.* – тяжёлый.)! – раздался призывающий голос в микрофон – Саня, Пхаро, со своей семьёй! На круг, попросим!

За женским столом старая, изрядно выпившая цыганка, пристающая с разговорами к другой – полной, лощёной – на мгновение осеклась. Стеклянным взглядом она посмотрела в сторону круга. А под стеклом, которое покрывало её взгляд, промелькнули обрывки жизни и множество свадеб, на которых также зазывал ведущий её семью – одну из первых – как полагается авторитетным семьям. Её мужа уважало всё цыганское общество. Гадже (Гадже *цыг.* – нецыгане.)называли его «бароном», а цыгане – Баро (Баро *цыг.* – большой.), Саня Баро.

– Дю! Провались голова! – пробубнила цыганка резким, хриплым голосом. – Нету мне покоя! – её голос был пропитан сигаретным дымом, алкоголем и свободой от любых стеснений. По нему становилось ясно, что хозяйка была уверенной в себе, раскрепощённой и ничего не боящейся. И хотя ей было уже 67, выглядела она довольно бойко, несмотря на потрёпанный алкоголем вид: мешки под глазами, скатавшиеся, немытые волосы, в которых тем не менее не было ни одной седой волосины. Они были чёрными, как сама тьма.

Цыганка встряхнулась и продолжила о чём-то рассказывать другой.

Уже выпившие гости разбрелись кто-куда – одни пересели к тем, с кем хотели пообщаться, другие вышли курить на улицу, третьи – с разговорами толпились в фойе. Столы на некоторое время остались полупустыми. Громко играла традиционная танцевальная музыка. Все ждали самого торжественного момента – возвращения молодожёнов, которые принесут с собой «честь» невесты – белую простынь с красными пятнами, доказательствами потерянной невинности.

Через стол от пожилой цыганки, чуть в сторону, сидели две другие: мать, женщина с добрыми глазами, со своей дочкой, красивой девушкой лет 22-24. Дочка на вид была гордой и благородной. И, несомненно, себя считала такой. Она уже давно обратила внимание на пьяную цыганку и с неприязнью поглядывала на неё. В момент, когда ведущий вызывал очередную семью и пожилая цыганка огляделась вокруг, они встретились глазами на мгновение, но взгляды их разошлись. В другой раз пожилая цыганка уже поджидала взгляд девушки. И тот вновь с неприязнью упал на неё.

– Что ты всё смотришь, рупучка (Рупучка *цыг.* – оскорбительное.)ты несчастная? Ты сказать мне хочешь что-то? Так говори! Я тут сижу – никуда не уйду! Не стесняйся! – сказала цыганка, не крича, но тоном полным обжигающего презрения.

– А я вот смотрю на тебя, Тётка, – дерзко ответила молодая, – и мне непонятно, как тебе, женщине, не стыдно так напиваться? – девушка не собиралась сдерживать своего отношения, она привстала, но мать её дернула за руку и посадила на место.

– Закрой свой рот! Как ты смеешь? Она пожилой человек, что ты о ней знаешь?

– А что, мама, разве это нормально? И еще сидит, как будто и стыда нет! – словно оправдываясь перед людьми, продолжала молодая. – Домой иди, Тётка, не позорься! – выкрикнула она пожилой цыганке.

– Я сказала, рот закрой! – еще раз цыкнула мать и примирительно обратилась к объекту нападок дочери, – Ты не обращай внимания на неё, Тётка, молодая она – жизни не знает, не обижайся...

Но та, похоже, не обиделась. Только не от простодушия своего, а от того, что ей уже давно стало наплевать на всех. На эти – одно сменяющее другое – одинаковые лица. Они безликой кишащей массой обтекали её и исчезали навсегда. Она не видела ни их глаз, ни их душ.

– Ты смотри! – снова обратилась Тётка к безразличной лощёной соседке по столу. – И эта пигалица вздумала мне указывать! И она рот открывает! Ты кто такая? – выкинула Тётка фразу молодой цыганке, не ожидая ответа. – Вы кто такие все? – обратилась она, словно ко

всем сразу. – Сидите тут со своими важными рожами, пыжитесь! – уже себе под нос продолжила Тётка. – Рупучи несчастные! Провались ваша голова! Рома (Рома – цыгане, люди.)-пфула (Пфула – дерьмо.)!

Тётка взяла со стола рюмку и, пихнув локтём в бок соседку, сказала:

– Давай, дочушь, выпьем уже!

А потом, словно забыв о произошедшем, по привычке обратилась ко всем, кто ещё сидел за длинным столом:

– Ну, давайте! Поднимем! За... – она на долю секунды запнулась, вспоминая повод сегодняшнего гуляния, – за молодых! – с безразличием, словно автоматически, сказала Тётка, – Пусть они живут в счастье, в радости до ста лет! – и опустошила стопку до дна, что считалось неприличным.

– Ну! И кому я говорила? – негромко, как бы обиженно, сказала матери молодая цыганка, – Она только взгляд отвела и уже забыла! Кто её звал сюда, мам?

– Отстань от неё, дурочка! – поучающе и с мягкостью в голосе ответила мать, – Ну что ты о ней знаешь? Ты хоть знаешь, кем она была? А знаешь почему стала такой? Не дай Бог кому-то пережить то, что она пережила, – врагу не пожелаешь. Молодая ты ещё! Горячая и глупая! Нельзя людей судить, только Бог может!

3

Зал кипел приглушенным гулом человеческих жизней. Даже из-под нависшей сверху тёмной тучи траурных традиций выскакивали чьи-то сдержанные смешки, слышался оживлённый тон, заинтересованность, пьяная раздражительность, усталость... Всё человеческое перемешалось в этом гуле, но оно же было приглушено. Кто забывался, тому напоминали: «Тише! Не на празднике!». И тот замолкал. Покойник в соседней комнате. И вместе с этим, опомнившимся, будто опоминался весь зал, и разговоры смолкали вовсе. И тогда было слышно только бряканье тарелок, вилок, ложек, кружек... Затем бутылка отсчитывала рюмки, и чей-то уверенный голос громко во весь зал оглашал: «Давайте-ка, выпьем! Мёртвым царство небесное, а живым счастья и благополучия!».

И зал вновь начинал свой гулëж, дружно поддерживая тост. Колыхался, волновался. Люди общались между собой, крутились, потом вставали. Выходили из-за стола, подходили обратно. Чёрные волосы, юбки, куртки, усы, глаза, шарфы – всё превращалось в бурлящую в одном котле смесь из теней с запахом корвалола. Они с лёгким дуновением, беззвучно, мягко, будто отражения из другого измерения, обступили красивую, ещё не старую цыганку. Мелькали вокруг, рядом, окружали, уплотнялись, но не могли приблизиться ближе, чем на полметра. Её кожа была светлой, а волосы, брови, глаза, чёрными и ярко выраженными. Её черты лица, да и сама она в окружившей стае чёрных теней, выглядели очень контрастно. Они не были подавлены скорбью, но строгость, или даже ненависть, исходила от них.

Девушка видела в толпе только одного человека – пожилую цыганку. Она не могла поверить, что видит её снова. Воспоминания о пережитом, как вспышка, озарили всё внутри, освежили, разбредили. Счастье, утрата, предательство... И весь смысл теперь сосредоточился лишь на её ребёнке. Её сыночке. Девушка вдруг почувствовала неопишемую тревогу за сына. Ей даже показалось, что сейчас, именно в этот момент, она его потеряла. Потеряла навсегда, как и то счастье, которое у неё уже было. Нет, это было тоже счастье, тоже богатство, которое она почти потеряла, но сохранила от него маленькую частичку. Тайком. В глубине души зная, что и за ней должны прийти. И вот сейчас – пришли. Она. Эта старая, чёрствая пропитоха! Она пришла за её сыном!

От этих мыслей пол ушёл у неё из-под ног, и она упала на колени, широко расставив руки. Волосы, словно паранджа, закрыли её лицо, но она откинула их рукой и увидела,

что ещё несколько человек было на полу. Грохот снаружи на мгновение заглушил весь мир. «Сыночка!» – будоражащий крик раздался в мозгу девушки, будто даже этот взрыв снаружи всего лишь происки старой ведьмы, пытающейся забрать у неё сына. Она вскочила на ноги и побежала в другую комнату, где были все дети. Дети в комнате были перепуганы, но все целы. Её пятилетний сын тоже.

– Сашенька! – жадно схватила сына цыганка, крепко обняла и плотно сжала веки, из-под которых медленно выползли на щёки крупные слезинки. Более слабый взрыв снова встряхнул дом, но она уже не испугалась, зная, что сын в её объятиях и ничто не сможет их разлучить.

– Опять бомбят, мама... – тихонько произнёс ребёнок, – Не бойся! Я тебя защитю! – Мать улыбнулась ему в ответ и молча поцеловала его в носик.

– Тамара! Ну что ты тут? Всё нормально, не бойся! Это кварталах в двух прилетело! Вряд ли ещё будут! Пойдём, поможешь прибраться!

– Сыночка, ты тут побудь, поиграй с детьми, я пойду помогу, – сказала Тамара, поднимаясь с колен и отпуская ребёнка.

Выходя из комнаты, она снова глянула на него. Сын уже беззаботно играл с одним из сверстников. Дети давно привыкли к военным условиям и не вникали в то, что могло бы произойти во время таких бомбёжек.

– Девки в зале приберут, а ты на кухне помоги, пожалуйста, – попросила женщина, позвавшая Тамару.

– Хорошо.

Когда новые порции горячего были разложены по новым тарелкам, а кружки наполнены новым чаем или кофе, Тамара освободилась и пошла проводить своего ребёнка. Она вновь вошла в комнату с детьми, но Саши там не было.

– А где Саша? – с напряжением в голосе спросила она у детей. Кто-то ответил ей:

– А его позвал какой-то дядя!

Тамару второй раз словно окатили кипятком.

– Какой ещё дядя? Романо чаво (Романо чаво *цыг.* – цыган.)? – Да. – это немного успокоило, но лишь на первую секунду. С какой стати некто его куда-то позвал? Для чего кому-то из мужчин звать куда-то маленького ребёнка?

Тамара побежала в зал, но Сашеньку там не увидела. Она спросила у женщин, сначала у тех, что стояли у входа, потом за столом, не видел ли кто её ребёнка. Но ей ответили, что в зале его не было. Она выбежала на улицу, на крыльцо, и спросила у куривших там мужчин. Но те уверенно сказали, что ребёнок не выходил. Она заглянула даже в одну из спален хозяев, но там его тоже не было.

Внезапно ей пришла мысль посмотреть в комнате, где находился покойник. По коридору она вбежала в неё и не поверила своим глазам. В углу комнаты стоял гроб, а посреди неё старая ведьма прижала к себе её сына и что-то шептала ему на ухо. Внутри всё сжалось. Тамара почувствовала, как волосы на её затылке зашевелились.

– Отпусти его, Тётка! – чуть ли не закричала она. Одним прыжком Тамара оказалась около них с желанием вцепиться в волосы старой цыганке, но сдержалась и за руку выхватила сына из её объятий – Как ты посмела подойти к моему сыну?

Тётка молча посмотрела на неё блестящими от слёз глазами, но это не вызвало жалости у Тамары. Она не верила ни её словам, ни слезам. Больше того, когда человек не верит настолько, как не верила Тётке Тамара, каждое проявление каких-то чувств вызывает презрение и отвращение. Так и сейчас Тамара испытала презрение к «сомнительному актёрскому мастерству» Тётки. Но пока ещё не понимала, для чего ей это. Видимо, причина была. Что-то понадобилось.

– Мама, я здесь... – произнёс мальчик, глядя на Тётку. Тамара не поняла, что он хотел сказать и переспросила.

– Не выгоняй бабушку... – сказал ей ребёнок. Лицо Тамары на мгновение застыло с открытым ртом. Она не поняла, не знала, что имел в виду ребёнок. Чувства внутри неё зашевелились из стороны в сторону в поисках виноватого.

– Что? – еле слышно произнесла она. – А откуда ты знаешь, что это твоя бабушка, малыш?

– Я знаю... – ответ ребёнка ещё больше всё запутал. Тамара выпрямилась, взяла сына за руку и ещё раз, словно пытаясь напоследок запечатлеть факты у себя в памяти, взглянула на Тётку, поднимающуюся с колен. Девушка молча вышла из комнаты, даже не задумываясь о том, оставаться ли на поминках дальше. Она направилась к шкафам с одеждой. Сначала достала курточку Саши и, одевая его, спросила:

– Это она тебе сказала?

– Нет.

– А кто тебя привёл к ней? Сам пришёл?

– Нет, – ответил мальчик, – Папа привёл.

4

Липы ещё благоухали, хотя цвет их, превратившись в засохшие, жёлтые лепестки, уже облетел с веток. Они выстроились ровными рядами вдоль аллеи и бережно прикрывали от палящего солнца молодую цыганку, придерживающую под руку своего молодого мужа. Девушка выглядела очень ярко. Дело было не в одежде или стиле. Бывают люди, которых очень сложно запомнить в лицо, потому что они похожи на всех, а бывают такие, как эта цыганка, увидев которых мельком один раз, запомнишь надолго, если не навсегда. Девушку звали Тамара.

Родственников у неё не осталось, кроме одной сестры, которая была старше на 10 лет. Такая разница в возрасте была очень неудачной. Она практически обрекала сестёр быть далёкими друг другу, ведь они не могли быть подругами из-за разницы интересов, но и опека со стороны старшей тоже не вписывалась в их отношения – не так уж была велика разница в возрасте.

Только теперь, когда родителей не было в живых, сёстры пытались сблизиться, понимая, что остались самыми родными друг для друга, но сблизиться полноценно не получалось. Чувствовалось это сближение как-то лицемерно. Внешне. Как соседи, которые хотят хороших отношений: ради улыбки в дверях и приятного разговора мимоходом. Не было внутреннего понимания и теплоты. Каждая была занята собственной жизнью, а судьба сестры интересовала поверхностно.

Впрочем, и этого было достаточно, чтобы участвовать в особо важных жизненных событиях друг друга. Когда пришло время отпраздновать свадьбу Тамары, старшая сестра, как полагается у цыган, отлично сыграла роль попечительницы, заменившей мать. Она без особой горячности подошла к выбору сестры: «Ты считаешь, что он хороший парень? Тебе виднее. Главное, чтобы жили счастливо!».

Возможно, родная мать поволновалась бы за дочь, ведь она собралась замуж за одного из сыновей известного и влиятельного цыгана. Мать бы обратила внимание на разницу в положении жениха и невесты и, возможно, постаралась бы внушить дочери свою волю. Ради её же счастья. Но у Тамары уже не было матери. Впрочем, неизвестно нашла бы девушка для себя лучшую партию. Несмотря на то, что муж молодой цыганки рос в достатке, а сама она не имела ничего, кроме привлекательной внешности, скромной натуры и чистой души, жизнь их складывалась хорошо. В первую очередь потому, что они оба хотели просто жить вместе долго и счастливо. Им не нужны были пылкая страсть и романтика, они хотели не быть одинокими, поэтому ценили семейные узы.

Их знакомство было на первый взгляд совсем обычное для цыган – они встретились у кого-то на свадьбе. В конце празднества, когда официальные части уже были проведены, а

выпившие гости начали нарушать традиции и подсаживаться за столы противоположного пола, будущего мужа Тамары подозвала присесть рядом её сестра, пылкая до общения. Особенно навеселе. После нескольких вопросов о родителях молодого человека она отошла, оставив их с Тамарой за столом наедине. Может быть, она сделала это специально, как говорила в последствии, но Тамара не верила ей. Она была убеждена, что всё получилось случайно.

Парню было неловко тут же выйти из-за стола. На самом деле, он уже давно заприметил Тамару и рад бы был познакомиться, но скромность и страх чуть не вытолкнули его прочь. Свою роль сыграло воспитание. Бежать было некрасиво, пришлось завести разговор.

Но и это знакомство могло бы остаться без продолжения, потому что сделать какие-то более откровенные шаги к началу отношений молодой человек так и не посмел. Оно могло бы остаться без продолжения, но не осталось. Воистину: браки свершаются на небесах. Через три дня он с братьями пошёл погулять в торгово-развлекательном центре и приобрести что-то из вещей. ТРЦ состоял из трёх корпусов, соединенных между собой. Ребята гуляли по магазинчикам в прекрасном настроении. Смеялись, шутили. Когда вдруг внезапно под ногами пол подпрыгнул так, что все вокруг попадали на четвереньки. Ещё через мгновение громкий хлопок прокатился по галереям, заставив потрескаться пару витрин. Всё затихло. Ребята, как и все остальные покупатели, оглядывались, пытались понять, что происходит. Ясность внесла вдруг завизжавшая по громкой связи сирена, и испуганный голос, призывающий всех покинуть помещение в связи с тем, что в одном из корпусов центра было подорвано взрывное устройство. Народ, опасющийся повторного взрыва, со всех галерей ринулся к выходу. Теракты, протесты, народные волнения случались всё чаще к началу третьей мировой войны. Люди знали, что ожидать можно чего угодно. Образовалась толпа, охваченная паникой. Молодой цыган огляделся и не увидел рядом своих братьев. Зато взгляд его через стекло витрины упал на девушку внутри одного из магазинчиков, сидящую на коленях, испуганную и молящуюся. Издалека он, словно родную, узнал Тамару. И в это же самое мгновение он понял, что второго взрыва не будет. Вся эта ситуация словно создана для того, чтобы он мог сейчас вернуться за ней.

Парень выскользнул из потока людей и оказался в абсолютно опустевшем помещении. Все голоса и панические крики уже слышались где-то снизу, за поворотами галерей. Не торопясь, он вошел в опустевший магазин. Тамара посмотрела на него, с удивлением и радостью. Она вдруг забыла про страх и ей стало стыдно, что она сидит на коленях. Девушка поднялась и поспешно отряхнулась:

- А что произошло-то?
- Да вроде взорвалось что-то...
- Ой, а люди-то не пострадали?
- Не знаю, может быть, сильно трянуло. Я увидел тебя и...

Сомнения в том, что взрыв больше не повторится, оплели его, ввинтились внутрь. Вновь стало страшно. Парень заволновался, подбежал к Тамаре схватил её за руку и потянул к выходу:

- Нужно уходить отсюда, может снова рвануть!
- Не рванёт больше... – уверенно откликнулась Тамара.

Молодой человек удивлённо остановился. Ему показалось, что она почувствовала его изнутри. Её ладонь словно источалась каким-то очень близким теплом. Оно, тепло, словно сливалось с его собственным. Ладонь Тамары не была горячее, не казалась холодной, не была влажной или чёрствой. Их ладони, словно превратились в продолжение рук друг друга. Парень, склонный к самоанализу, отметил сходство температур ладоней и ему показалась смешной мысль выбирать себе девушку таким образом. Он не сдержался и усмехнулся.

- Ты чего?
- Да ничего... – отмахнулся он. – А ты не занята? Может, сходим в ресторан, покушаем?

Эти события со стороны не кажутся какими-то особенно удивительными – совпадения часто играют существенную роль в судьбах людей, но для Тамары и Вани – это был божий промысел.

5

Кто-то открыл Тётке дверь такси и помог сесть, чтобы та не упала. Под ногами было скользко и мокро, а холодный, ещё зимний, ветер задувал за воротник откуда-то снаружи, где-то совсем далеко, извне, настолько далеко, что даже не причинял беспокойства.

– Доедешь до дома? Доедешь? – прорывался чей-то женский голос через темноту ночи и через пьяный туман в голове к слабо брезжащей искре сознания.

– Да, доеду, дочушь! Доеду! – словно кто-то за неё отвечал её же скрипучим голосом.

Дверца автомобиля захлопнулась. Видимо, чересчур сильно, потому что водитель недовольно что-то пробубнил.

– Ой, да успокойся ты, вихор (Вихор *цыг.* – оскорбительное.)! Давай, езжай! Октябрьская, 13! – Она привычно назвала адрес и, похоже, заснула, потому что очнулась от голоса водителя:

– Приехали! – короткая отключка пошла на пользу Тётке, и она слегка протрезвела.

– Ага... ага... Выхожу. Сколько я тебе должна, сынок? – Обращаясь к кому-то «сынок» или «дочка» в голосе Тётки не звучало мягкости, такое у неё выработалось уникальное свойство – ледяным тоном применять тёплые слова. Бездушно, бессмысленно. Впрочем, как и оскорбительные. Ни на те, ни на другие никто из знающих её людей уже не обращал внимания. Они словно служили ей для связки слов.

– Ничего не должна, заплатили уже... – ответил таксист, горя желанием побыстрее избавиться от своей клиентки.

Тётка, пошатываясь, вылезла из машины, захлопнула дверь, после чего та быстро тронулась с места. Тётка подняла голову и увидела перед собой стену забора, возвышавшуюся на три метра. Лишь раскрытая на распашку ржавая железная калитка, покосившаяся на бок, зловеще приглашала, нет, даже манила заглянуть за стену забора с выцветшей табличкой «Октябрьская улица, 13».

Тётка, вдруг опомнившись, дернулась за машиной, маша руками и крича ей вслед:

– Стой! Стой! Рупуч! Ты куда меня привёз! Будь ты проклят, недоделанный! – но, понимая, что такси уже на расстоянии, где водитель её не увидит и не услышит, остановилась на месте, глядя ему вдогонку и посыпая скрипучими проклятиями. За её спиной так же хрипло засмеялись потревоженные вороны: «Ха, ха, ха-ар!».

От безысходности Тётка побрела внутрь. За забором, облитый светом луны, стоял величественный дом с массивными колоннами при входе. Огонь в его окнах не горел, да и окна все были выбиты, двери на входе не было, краска на фасаде местами отлетела вместе со штукатуркой. Справа в одной из стен зияла тёмная дыра, подпираемая обсыпавшимися кирпичами. Тётка остановилась перед домом, взглянула на него.

– Ну и что мне тут делать посреди ночи? – с отчаянием в голосе пробубнила она себе под нос, направляясь ко входу в дом. Когда-то, наверное, это место выглядело особенно шикарно. Октябрьская улица была украшена домом номер 13 в самом её конце, словно диадемой на голове молодой красавицы. Многолетние тополя, высаженные вдоль улицы, обрамляли платье этой красавицы кружевами зелёных, пышных крон. За ними виднелись аккуратные ряды многоквартирных домов, во дворах которых был слышен звонкий детский смех. Там же с местными детьми играли в догонялки, прятки, жмурки и другие подвижные игры сыновья Тётки.

Сейчас Октябрьская улица была больше похожа на скелет со съехавшей на бок, помутневшей диадемой, прогнившими фрагментами платья в виде голых ветвей, торчащих из земли тополей и серого с чёрными пятнами, подтаявшего снега вдоль дороги. Ближайшая к дому

13 многоэтажка была наполовину разрушена от прямого попадания снаряда Правительственных Войск (а по слухам самого Ополчения, пытающегося дискредитировать военных). Другие дома, как улыбка бомжа, через зуб зияющая чёрными дырками, изрыгали зловонный запах из выбитых окон. И только злобные насмешки ворон с крыш заброшенных зданий заставляли сжиматься сердце от понимания того, что скелет этот ещё будто бы жив и в любой момент может подняться из могилы.

Старая цыганка обречённо вошла в дом, от входа повернула налево и прошла через прихожую в кухню. Луна светила сквозь разбитые стёкла. Пахло сыростью и гниющим деревом. Тётка подошла к прогнившим шкафчикам некогда кухонного гарнитура и сунула руку в один из них. Для этого ей пришлось встать на колени, так как руку просунула она чуть ли не по самое плечо. Что-то нащупав, издала довольный хмык и вытащила оттуда рюмку и бутылку с остатками водки.

– Не нашли... – довольным голосом произнесла она.

С рюмкой и бутылкой цыганка подошла к столу у разбитого окна, подвинула валяющийся ящик одного из кухонных шкафчиков и села на него. Около уха в темноте послышалось жужжание мухи. Она налила в грязную рюмку водки. Выпила. Скорчившись, уткнулась носом себе в рукав.

– Охо-хо! Какая ядрённая! – Тётка на мгновение замерла и снова взялась за бутылку. В бледном свете Луны она увидела ползающую по столу муху. Старая цыганка решила, что это и была та муха, которая жужжала чуть раньше, но снова услышала жужжание в стороне. «Несколько? Откуда мухи?» – удивилась Тётка. – «Март на улице! Какие мухи?».

За спиной, в глубине дома, из зала, цыганка услышала тяжёлые шаги. Рука её вместе с бутылкой зависла на миг над стопкой, но продолжила своё дело: плеснула в рюмку новую порцию. Жужжание мух усиливалось, очевидно, что их в тёмной комнате становилось больше. А ещё через мгновение они просто гудели, раскатисто поглощая темноту. Тётка подняла рюмку, выпила и швырнула её за спину. Она не боялась умереть, но от страха стало щежотно внутри. Тётка развернулась. В арке, соединявшей кухню с залом, застыла тень. Это был силуэт полного мужчины. Безликий, тёмный, но объёмный облик складывали летающие со всех сторон мухи.

– Это что за... – дыхание перехватило, но это был уже не только страх. Силуэт казался ей хорошо знакомым. Родным. – Саша? Ты зачем пришёл? Хочешь забрать – забирай! – Силуэт стоял неподвижно. Тётка с отчаянием перешла на крик – А не можешь, так отстань! И не приходи больше! – прокричала Тётка и швырнула в него бутылку с остатками водки. Звон разбитой бутылки она не услышала. Её словно поглотило слипшееся облако из мух. В этот же момент мухи, словно освобождённые от обременительной обязанности, ринулись в разные стороны, и, не понимая, как они тут оказались, ошалелые разлетелись кто куда.

Тётка упала на колени и заплакала:

– Прости меня, Саша, прости! – сквозь плач произнесла она, а потом упала на бок и так заснула. На полу.

6

Через несколько месяцев тайных, но абсолютно невинных, встреч Ваня привёл Тamarу к себе домой, чтобы представить родителям. Поступок этот шёл вразрез с цыганскими традициями, ведь родителям молодого человека полагалось идти в дом невесты свататься: накрыть стол и попросить у старших отдать девушку в их семью. Но у Тamarы не было родителей, а из старших родственников, кроме сестры, она никого не знала. Такое у цыган бывает редко, например, в тех случаях, когда семья переехала из другого города или страны, или живёт, умышленно не поддерживая отношений с диаспорой. Второе настораживает других цыган, ведь общение

между собой у них в крови. В старые времена отторжение из общества было одним из самых жёстких наказаний за нарушение цыганских законов. Таких людей называли «магердо», что означало «поганный». Приглашать таких людей в свой дом или даже просто общаться с ними было запрещено. Магердэ (Магердэ *цыг.* – поганные.) и сами, зная законы, не стремились к общению с цыганами и отрекались от общества, потому что в случае утаивания своего социального статуса можно было навлечь на себя физическую расправу. Теперь цыганские суды случались крайне редко, но замкнутость семьи по-прежнему вызывала сомнения. С чего бы цыгане отчуждались от других цыган? Ведь, как гласит народная поговорка, «без людей и мы не люди». Конечно, серьёзно никто уже не считает, что обособленность может быть связана с устаревшим законом о статусе «магердо», но всё же на уровне подсознания такие люди перестают быть своими.

Семья Тамары до гибели родителей переехала из Польши, оставив весь свой род там, а на новом месте жили уединённо. Не смотря на то, что их со временем узнали, стали приглашать на свадьбы и другие торжества, в свет они выходили редко и не тянулись к более тесному общению с местными цыганами. По рассказам старшей сестры Лили, отец вообще относился к собственному этносу со стыдом и презрением. Он говорил: «Здесьним ромам верить нельзя, потому что они не помнят своих традиций и закона, от них подальше держаться нужно!». Почему отец был так категоричен, Тамара могла только догадываться, но в конечном счёте эта категоричность отвернула от традиций и цыганских законов её саму. Она не чувствовала себя своей среди цыган, от того и не видела смысла строго придерживаться традиций.

Тамара могла бы разыграть из себя консервативную цыганку и попросить сестру поучаствовать в сватовстве, но ей была неприятна фальшь. Она решила нарушить традиции и пойти знакомиться с родителями к ним домой. Молодой человек, в свою очередь, уже хорошо понимал невесту и знал, что нестандартные действия вовсе не говорят о том, что девушка недобропорядочна. Кроме того, сам он, как представитель знатной семьи, стремился к лидерству в обществе и считал позволительным обновлять традиции своим примером.

Кроме того, была ещё одна традиция, которая казалась Тамаре не просто фальшивой, а даже унижительной: невеста молодого человека должна называть свою свекровь не иначе, как «мама». Возможно, большинство девушек мирятся с этим, но не Тамара, которая потеряла своих родителей и по отношению к своей умершей матери воспринимала такое обращение, как предательство. «Я скорее вообще никак не буду называть свекровь, чем скажу ей «мама»! Ваня поймёт!» – думала девушка.

Цыганская община – это своего рода деревня, в которой все всё знают друг о друге. Точнее, думают, что знают, потому что факты обрастают таким комом сплетен, через который сложно рассмотреть истину. Но всё же минимум правды выделить можно. Такие слухи по поводу семьи жениха доходили и до Тамары. Она была девушкой рассудительной и не верила всему, что говорили. Однако минимум правды выделила – родители Вани были богатыми и уважаемыми людьми. Этого факта было достаточно, чтобы испытывать сомнения в благополучном продолжении их с Ваней отношений и подозревать себя в чрезмерной наивности и романтичности. Хотя именно эти наивность и романтичность, свойственные молодым людям, в то же время помогали справляться с сомнениями. Благодаря им Тамара знала: настоящая любовь способна преодолеть любые сложности. Поэтому в том случае, когда родители Вани её не примут, проблему со временем можно будет решить, если любовь настоящая. Только вот была ли их любовь настоящей? Она ещё не разобралась. Так по кругу сомнения и романтичность циркулировали между сердцем и мозгом. Впрочем, девушкам нерешительность простибельна, особенно, когда рядом мужчина. В отличие от Тамары, Ваня был уверен в том, что их любовь настоящая, что она преодолеет любые сложности, и что его родители девушку, не смотря на её строптивость, примут. Он не говорил об этом, а просто брал её за руку и вёл там, где она бы одна пройти побоялась.

– Здесь мы и живём! – сказал Ваня, приближаясь к калитке высоченного забора, за которым было сложно что-то разглядеть, кроме крыши особняка.

На стене забора висела табличка с адресом «улица Октябрьская, 13». Ваня нажал кнопку вызова видеофона рядом с калиткой, и через минуту раздался пищащий звук открытого замка. Они вошли на территорию.

Дом был великолепен. Судя по всему, он был очень старым, но не в худшем понимании этого слова. Несомненно, он был многократно реставрирован и, видимо, принадлежал когда-то знатным людям. Широкое крыльцо украшали четыре белоснежные колонны. Крыша над ним, подпираемая этими колоннами, была так высоко, что не ощущалась вовсе. Во дворе росли старые, раскидистые каштаны и березы. Тамара на мгновение почувствовала себя Золушкой, прибывшей на бал во дворец, но отогнала эти мысли, чтобы вместе с ними отогнать неловкость. В конце концов, все люди равны, если кто-то чуть богаче, это не значит, что он перестаёт быть человеком.

В пороге Ваню и Тамару встретил отец. Это был тучный усатый цыган, улыбающийся во весь рот и поблескивающий золотыми зубами.

– Ой, какая красавица! Давай, проходи, дочка! Сынок, идите на кухню, мать уже накрыла!

– Да подожди хоть, Дадю (Дадю *цыг.* – отец.), дай я дом покажу сначала! Сразу за стол!

– Ну, иди, иди, похвастайся, где жить будете! – заулыбался отец.

– Ну, Дадю! Не смущай!

– Ладно, ладно!

Об отце Вани Тамара слышала многое. Цыгане уважали мужчину и дали кличку «Баро», что говорило как о его тучности, так и о влиятельности. Многие испытывали неловкость в присутствии Саши Баро, поддаваясь давлению слухов. Говорили, что у него денег – куры не клюют и что он обладает серьёзными связями в полиции, дружит с депутатами из администрации. Ходили слухи, что Баро является главарём банды или же у него серьёзный бизнес. Этот ореол слухов словно приподнимал Баро над другими, но не в глазах Тамары. Ей он показался обычным человеком. Радужным, добрым и открытым. Ей сразу понравился отец. И в первую очередь именно тем, что она не испытала напряжения в его присутствии. С первых минут общения Тамара поняла, что с ним будет просто.

Отец удалился, а Ваня повёл свою невесту по дому. Обстановка в нём повторялась из комнаты в комнату в цыганском стиле. Вы не знаете о таком стиле? Нет? А он есть! Цыгане – народ, как губка впитывающий в себя обряды, традиции и стили тех, стран, в которых они живут или когда-то жили. Он проносит их в своих смуглых ладонях через года, наполняя собственными взглядами и ценностями. Кто-то скажет, что цыганский стиль – это абсолютная безвкусица, где есть только стремление выставить на показ, порой, иллюзорное богатство и пляску ярких красок, но человек, разбирающийся, может найти в цыганских домах и причудливые сочетания дворцового ампира с восточным стилем, и рококо, и барокко, и романтизм, смешанные с чем-то своим, национальным. Цыганские интерьеры – это словно джазовая импровизация в музыке, не каждому понятна её система, диапазон которой расширен вдохновением и не сжат стереотипами.

Родительский дом Вани не был исключением. Тамара видела подобные интерьеры во многих цыганских домах, будь то небольшие квартиры или особняки, наподобие этого. Но в этот раз её внимание привлекло обилие икон по всему дому. Нет. Даже не это, потому что цыгане – народ «суеверующий», как говорила Тамара, и в каждом доме иконам уделяется особое внимание. То, что их много – не было удивительно, в глаза бросались сами иконы. Они казались какими-то особенными. Тамара не поняла причину такому восприятию. Но из каждой комнаты за ней словно наблюдали глаза. Причём, даже грешно подумать, глаза злые, требующие поклонения. Чувствующие, что Тамара неподвластна им. Лики, ограниченные своими

рамками, словно оскалились против неё, зашипели, пытаются прогнать. Но Тамара не боялась их.

– Какие-то странные иконы у вас... – задумчиво разглядывая их, проговорила Тамара.

– А что не так, дочушь? – услышала она резкий, с хрипотцой голос из противоположного конца комнаты. Он так напугал её, что она заметно вздрогнула. Девушка обернулась и увидела взрослую цыганку с пышной чёрной шевелюрой, убранной назад, под платок. Вид у неё был ухоженный и благородный. Она прошла через комнату уверенно и вальяжно.

Видимо, этот неожиданный ответ снова вывел из равновесия Тамару и лишил остатков уверенности в себе и в силе не только их с Ваней любви, но и любви вообще. Захотелось убежать. Мировоззрение пошатнулось, и проскочила мысль, что всё же люди не все равны, а одни более достойные, чем другие. Тамара, словно подкошенная, кубарем полетела вниз с той горы, на которую взойшла мать Вани.

– Здравствуйте, мама! – выдавила, натужно улыбаясь, Тамара. «Да что со мной?» – краска подкатила к лицу. Тамаре стало невыносимо стыдно. Она даже сама не поняла, как выскочило из её рта это обращение – «мама». Будто кто-то другой сказал это за неё, но обвинить было некого. Стыд и презрение к себе ещё больше раскатали почву под её ногами и, вместе с тем, возвысили Ванину мать.

– Ну, ты чего растерялась-то? Иконы-то чем странные? – снисходительно улыбнулась Света, пытаясь немного ободрить будущую невестку.

– Они какие-то... злые... – Тамара понимала, что отвечать так не стоит, но, выдавливая из себя правду, надеялась всё же взять себя в руки. Безуспешно. Свекровь находилась, слишком близко. Девушке хотелось отойти от неё на расстояние, чтобы оправиться от шока. Хотя, что именно её шокировало, она даже не понимала.

– Ты так не говори, дочушь! Нельзя так! Они страдали за нас, умирали. Они добрые! – наставительным тоном ответила мать. При этом, Тамаре показалось, что она приблизилась ещё больше. – Если будешь их любить, благодарить, вниманием не будешь обделять, и они будут тебе помогать, а если будешь плохо относиться, они тебя будут наказывать.

– Как же они могут наказывать? Это же... картинки... – Тамара продолжала, как ей казалось, дерзить, выплёскивая «правду-матку» и морально готовясь со скандалом бежать, но Света, безнадежно возвышаясь над ней, погладила её по плечу и спокойно сказала:

– Молодая ты еще, оттого и глупая. Не картинки это, а маленькие дверцы. Через эти дверцы они связываются с нами, и ты можешь связываться с ними или попросить чего. Как телефон! Ладно, поймёшь, может. Пойдем-ка чай пить!

7

Тётка проснулась от неприятного букета ощущений: высохших до съёженности и шелушения губ, слипшегося и обветренного рта и горла, распирающего изнутри желания справиться нужду и холода, пронзающего до костей, но при этом ей так не хотелось открывать глаза... Хотелось оставаться в состоянии забытья и не возвращаться в этот мир. Некоторое время ей это удавалось – она проваливалась обратно в пустоту, но всё же физический дискомфорт стал чаще её выдёргивать оттуда, мешал вернуться назад и, в конце концов, она поняла, что заснуть больше не получится. Цыганка с трудом разомкнула слипшиеся веки и сморщилась от резавшего по глазам утреннего света. Он ослепил, он был ей неприятен, как и остальные телесные неудобства, лишал покоя, заставлял шевелиться, двигаться, вибрировать в пространстве, а ей хотелось ровного, мягкого постоянства.

Тётка снова закрыла глаза и с недовольным кряхтением перевернулась на другой бок, пытаясь избавиться от назойливых лучей, сверлящих через веки розовым. Но они уже сделали своё дело. Понимание того, что встать всё-таки придётся, проникло в сознание. Она не могла

вспомнить, где находится, но онемевшие ноги и отмятые бока говорили о том, что место для неё непривычное. Теперь ей стало даже страшно разомкнуть веки. Ей стало стыдно. Она представила, что сейчас увидит себя валяющейся на тротуаре, в грязи, где-то в людном месте, и все прохожие с презрением смотрят на неё, но не услышала звуков, характерных для людных мест. Было тихо. Тогда она отважилась, раскрыла один глаз. В ярком дневном свете она увидела перед собой красивый, хоть и выцветший, узор напольной плитки в глубоких трещинах. Узор, как умелый рыбак, вовремя вытащивший рыбу из воды, выдернул обрывки воспоминаний, которые, впрочем, в то же мгновение Тётка выпустила обратно в воду. Она не хотела их. Ей было достаточно того, что она поняла, где находится.

Женщина не знала сколько пролежала в попытках прийти в себя, как вдруг услышала звук шагов. Она не догадывалась, кому они принадлежат, и именно поэтому даже не попыталась посмотреть, продолжая лежать на полу. Звуки становились более реальными в её сознании. Некто в помещении что-то передвинул. Прошёлся. Поставил что-то на столешницу. Снова вышел из кухни в зал, вернулся обратно и прошёл совсем рядом с лицом Тётки. Она увидела серый, весь изношенный, грязный кроссовок. Цыганке показалось, что кроссовок шаркнул, едва ли не задев её нос. Этот рефлекторный испуг заставил Тётку окончательно разомкнуть глаза и впустить внешний мир во внутренний. Единственная мысль, которая ей пришла в голову, что по дому ходит поселившийся тут бомж. Видимо, он принял её за свою. Эта мысль задела Тётку. Она – не бомжиха! Она хозяйка этого дома! Возмущение и стремление тотчас расставить все точки над «i» заставили цыганку действовать. Сквозь пелену она увидела сторбленную мужскую фигуру, роющуюся в кухонных шкафчиках. Потом себя, лежащую на полу посреди кухни, накрытую своей же рваной дерматиновой курткой.

Тётка попыталась встать, но тело, откликнувшись на движения, исторгло из самой глубины её лёгких густой, клокочущий кашель. Захлёбываясь им, старая цыганка попыталась подняться на ноги. Пол под ногами поплыл, а в глазах потемнело. Она почувствовала, что сейчас упадёт, но усилием воли заставила себя сделать несколько шагов к ящику около стола и сесть на него. Она обхватила голову руками и издала тяжёлый стон, пытаясь отогнать худобу. Когда в глазах прояснилось, она посмотрела на мужчину и узнала в нём знакомые черты. Несколько мгновений она пыталась вспомнить, кто это был. Борода, сутулость... «Постарел, – подумала Тётка, – А-а... Бэнг (Бэнг *цыг.* – чёрт.) же... Живой ещё?» – она узнала в мужчине одного из своих племянников, которого звали Егор по кличке Бэнг. Вообще у неё было много родственников: племянников и племянниц, овдовевших невесток, внуков. Некоторые из них стали вполне успешными, и вовсе не были хладнокровными, чтобы отказываться от общения с ней. Хладнокровностью обладала только Тётка. Возможно, она была обижена на всех за то, что не уделяли ей достаточно внимания, а именно столько, сколько, по её мнению, заслуживает человек, проживший такую судьбу. Возможно, она этим просто оправдывала своё хладнокровие – в любом случае, для Тётки не осталось родственников, даже самых близких, и это был её выбор. Цыганка обернулась к столу, пытаясь найти взглядом бутылку с водкой, но её не было.

– Бэнг, рупуч несчастный, где водка? – выдавила она из себя недовольным тоном.

– Я не пил! – заикающимся голосом стал оправдываться Бэнг, при этом он неуклюже подошёл к Тётке и попытался дыхнуть ей в лицо: – Вот! Смотри! Не пил!

– Господи, Боже, какая вонь! Бэнг, иди прочь от меня!

– Не пил я, не пил! – повторял Бэнг себе под нос – Сама выпила, а на меня сваливает!

– Ладно, не пил, так не пил... – Тётка начала вспоминать обрывки вчерашнего дня. Вспомнила то, как вытащила водку из шкафчика, вспомнила Сашу, кинутую в его силуэт бутылку... Автоматически она посмотрела в то место, где бутылку поглотило облако мух. Но ни бутылки, ни её осколков там не было. – Ты здесь давно? Тебя выпустили что ль?

– Месяца три уже. Я как вышел, сразу сюда, тебя нет, думаю, скоро придёшь. Ты что так долго?

– Бэнг, дурак, ты и есть дурак – не зря пять лет в психушке тебя держали! Ты что, не понял, что здесь никто не живёт? Дом – брошенный! – она замолчала, удивляясь тому, как могли выписать такого человека из больницы, но продолжила: – Года три назад сюда пустила беженцев («Беженцы» – этническая подгруппа цыган.)на постой, а им в стену мина ополченская прилетела... Их здесь человек 15 было, восьмерых прибило... Трое детей... – На некоторое мгновение в её голосе появилась скорбь, но тут же исчезла – Они собрали вещи, и мои в том числе, денег не заплатили и ушли – будь они прокляты, эти беженцы! Зачем пустила? Ты по сторонам-то посмотри! Как ты сам-то тут жил один эти три месяца?

– Так я не один...

– Не по́нила... А с кем?

– Так с Сашкой же, хозяином твоим, да с Шандором, с Витькой, с Ванькой...

Тётка замерла на месте.

– Ты чего? Ты о чём, Бэнг? – настороженно спросила она, не поворачиваясь в его сторону. А потом с ещё большей осторожностью практически выдавила из своего, не только пересохшего, но теперь ещё и пережатого горла: – Ты видел их?

– А как же? Вон же они – и сейчас здесь!

Тётка обернулась и увидела, что Бэнг указывал в зал через арку, туда, где на стене вновь были повешены портреты её умерших мужа и сыновей. Те портреты, которые она когда-то сняла и забросила в кладовку. Кладовку обнесли бывшие постояльцы под чистую. Портреты исчезли тоже, что не просто не расстроило Тётку, наоборот, позволило вздохнуть с облегчением, так как выкинуть у неё не поднималась рука, но и видеть их она не могла. Но вот, они снова висели на стене.

– Ты где их взял, вихор? Кто тебя просил их вешать на стену? – хозяйка дома раздраженно закричала – И тут свои грязные ручонки приложил! Чтоб ты сдох, дурак никчёмный!

– Я не вешал! Больно надо! Пришёл – висели уже! – забубнил себе под нос Бэнг.

– Ничего-то ты не трогал... – махнула рукой Тётка, отворачиваясь в сторону.

Но именно эта фраза, сказанная больше для себя, чем для него, без обвинений и даже без ругательств, свойственных Тётке, вдруг внезапно вывела Бэнга из себя. Глаза его налились кровью, и он заорал во всё горло:

– Я не пил твою водку, старая дура! Тебе что, не понятно? Я не пил! – изо рта его брызнула слюна и по взгляду стало понятно, что он не в себе. Такой может броситься и сделать всё, что угодно. Именно в таком же порыве ярости шесть лет назад Бэнг жестоко убил свою мать Земфиру за то, что та якобы не оставила ему выпить, после чего был признан невменяемым и провёл шесть лет в психиатрической лечебнице. Но во взгляде Тётки не появилось ни капли страха. Она поднялась с ящика, засучивая рукава, и тоном, полным сдержанного гнева, произнесла:

– Ты что это, рупуч, на меня орать будешь? В моём же доме? Ну-ка пасть свою закрыл и вышел вон отсюда! – она обвела взглядом валявшийся под ногами хлам, подыскивая чем можно ударить, но на полу лежали только пара ящиков из кухонного гарнитура, какая-то сырая, полусгнившая одежда в углу, доска, отломанная от пола в прихожей, которая была вне пределов досягаемости, и лишь на столе лежала мокрая и вонючая тряпка.

– Сколько ты ходил в этот дом раньше? Ел, пил, а сейчас на меня рот открываешь свой вонючий? Пошёл вон, я сказала! – и с этими словами Тётка схватила тряпку и бросилась на Бэнга. Тот закрылся от неё руками. Вся его ярость улетучилась в один миг:

– Не надо, Тётка, не надо, прости, Тётка! – снова неуверенным, заикающимся голосом заговорил Бэнг. Она несколько раз хлестанула его тряпкой по рукам и успокоилась:

– Ладно, Бэнг, – остывшим тоном ответила она и бросила тряпку на пол, – Пойду домой, ты, если хочешь, можешь оставаться тут.

– А ты разве не тут живёшь? – удивлённо спросил Бэнг.

– Ой, Дэвла (Дэвла *цыг.* – Господи.)! Ты что ещё не понял? Конечно, нет! Я уже давно в квартире живу!

– А здесь почему не живёшь? Хороший дом...

– Чего хорошего? В стене дыра. – задумчиво сказала Тётка, – Стреляют иногда. То одни, то другие, то третьи. Того и гляди разнесут всё, вместе с моей головой. Да что там моя голова... Уж наверное и пора бы... – Медленно направляясь к выходу из дома, сказала цыганка.

– Да, может, и пора. – неожиданно резанул слух ответ Бэнга. Тётка не поняла, что он этим хотел сказать. Остановилась, обернулась и подозрительно посмотрела на цыгана. Впрочем, его вид сразу развеял все подозрения в сознательном ответе. «Дурак сам не понимает, чего несёт!» – подумала Тётка и побрела прочь.

8

Тётка проснулась среди ночи. В комнате было темно и тихо. За окном даже издали не было слышно взрывов и выстрелов. Мёртвая тишина. По потолку не проскальзывали отблески фар даже изредка проезжающих автомобилей. Ничего. Дыхание сжимала необъяснимая тревога. Может быть, именно темнота и тишина порождали её? Тётке не нравилось просыпаться среди ночи, потому что после этого она часто не могла уснуть. Она давно привыкла к трескучим отголоскам боёв, трясущимся полам, хлопкам и раскатам взрывов, но не они пугали цыганку. Гораздо более страшные вибрации можно было почувствовать в тишине. Можно перестать бояться смерти, но нельзя перестать бояться необъяснимого. Когда весь привычный нам мир притихает и погружается в состояние покоя, тогда становится ближе запредельное. Мы начинаем чувствовать что в тишине и темноте есть нечто большее, чем пустота. Это по-настоящему пугает. Ни глаза, ни уши, ни кожа не чувствуют ничего особенного, но само тело реагирует на необъяснимое умом. Волосы на затылке поднимаются дыбом, сердце колотится чаще, кожа покрывается мурашками, а внутри возникает ощущение собственной ничтожности. Так происходит, если рядом есть то, чего мы не чувствуем основными сенсорами. Это часто происходило по ночам с Тёткой. Почти всегда. А утром хотелось напиться вусмерть, но водка всегда оказывалась гораздо менее крепкой, чем это депрессивное состояние, и пьянила со временем всё меньше и меньше.

Только в эту ночь цыганка почувствовала удивительное спокойствие и пустоту в своей квартире, которая вдруг стала восприниматься большой и пустой. Тётке не мерещились ни шаги, ни голоса – сердца не было слышно, волосы не шевелились на затылке и кожа не стягивалась в холке. В квартире было пусто. Проснувшись в 3 часа ночи, цыганка не почувствовала чьего-то невидимого присутствия. Было тяжело дышать, воздух в квартире казался застоявшимся и пустым. Она стиснула зубы и ощутила раздражение и нервозность. Туман в голове не давал понять причину этого состояния.

Тётка бесцельно подошла к окну и увидела в нём своё отражение. «Кто ты, призрак, смотрящий на меня через запотевшее окно? Что за отвратительное, но, в то же время, такое родное лицо? Неужели это ты когда-то возомнила из себя Бога и надеялась жить вечно? Разве это не ты собиралась сменить морщины на молодую гладкую кожу? Как же ты не смогла сберечь того, в ком собиралась жить дальше? И вот ты обречена, ты – мертвец, гаснущий уголь. Нет, ты пепел во власти ветра! Ты всего лишь мутное отражение в запотевшем окне... Без начала, конца и продолжения... Отражение, которое навсегда растворится вместе с затихающими звуками сердца – тук, тук-тук, тук, тук-тук...».

В это самое мгновение Тётка поняла, почему так пусто в квартире сегодня ночью, и испугалась. Почему испугалась, когда столько времени готовилась к этому последнему «тук-тук»? Почему испугалась, когда злилась на духов своего мужа и трёх сыновей за то, что они не могут забрать её? А может, испугалась, потому что именно сейчас не чувствовала их присутствия?

Нет! Словно что-то ещё нужно было понять – никак не верилось, что смерть стоит за её спиной. Какая смерть, когда в квартире так пусто и никого нет? «Я – одна, никто не найдёт – некрасиво!» – Тётка искала причины, чтобы не умирать. В глазах темнело и реальность начинала закручиваться в трубу, превращаясь в длинный, тёмный коридор. Тётка собралась и, повернув ручку, выпустила из бездонной темноты за окном поток свежего прохладного воздуха. Он, словно луч света, на миг прояснил сознание, разогнал туман перед глазами. Старая цыганка увидела перед собой, на столе, мобильный телефон. Она схватила его и набрала номер:

– Дочушь, приедь, а? Плохо мне...

Она вгляделась в темноту за окном и увидела бесшумно выбегавших из парадных людей. Среди них был её сосед по лестничной клетке. Он выбежал со всеми и обернулся назад, потому что его кто-то окликнул. В этот момент раздался свист истерично резавшего воздух снаряда. Хлопок. Это лопнула голова соседа, разорванная тяжёлым куском металла, пролетавшим именно в это время и в этом месте. Остановила снаряд стена дома. Удар. Зазвенели разбитые стёкла, но взрыва не последовало. Тело без головы ещё стояло. Стояло долго, словно не заметив отсутствия головы, всё ещё ожидая окликнувшего его. Того, кого не было видно из окна. Больше Тётка не увидела ничего – только продолжавшее стоять у парадной обезглавленное тело. Тьма сгустилась вокруг него и медленно поглотила, вместе с сознанием цыганки.

9

Ночью Тамару разбудила необъяснимая тревога. Сердце невпопад колотилось в груди. Пробуждаясь, девушка поймала себя на том, что поднимается с кровати, вытянув руки в сторону двери. В тот же момент она увидела, как дверь в спальню приоткрылась, а в проёме появилась фигура свекрови в ночной рубашке.

– Мы все умрём скоро! – произнесла Света – С неба будет лить кровавый дождь, который очистит планету ото зла.

– Что? – растерялась Тамара.

Из тёмного угла спальни послышалась мужская ухмылка. Девушка всмотрелась в темноту. Слабый свет, падающий из приоткрытой двери, позволил разглядеть очертания мужчины, сидящего на корточках. Опираясь спиной на стену, он почему-то представился Тамаре бомжом. Может быть, потрёпанный кроссовок, выхваченного светом, создал эту ассоциацию. Молодая цыганка жутко перепугалась, вскрикнула и толкнула в плечо спящего Ваню.

– А? Что? – подскочил спросонья тот.

– Там! В углу кто-то есть!

Ваня быстро встал с кровати, подошел к выключателю на стене и зажег свет. В углу никого не было. Стоящая в дверях Света, зажмурилась.

– А что вы тут?.. Это как я..? – ничего не понимая, бубнила она.

– Ваня! Там кто-то был! Бомж какой-то сидел в углу!

Молодой человек улыбнулся жене и ответил:

– Спи, солнышко, тебе приснилось.

Тамара растерянно осмотрелась вокруг. Сердце колотилось так, что, казалось, теперь уснуть не удастся. В реальность произошедшего поверить стало сложно даже самой, поэтому она внутренне согласилась с мужем. Почудилось? Ничего себе! Эта мысль успокоила на удивление быстро. Веки потяжелели. Потянуло в сон больше, чем до инцидента. А мать? Говорила что-то вообще?

Ваня подошёл к Свете.

– Ну, что ты стоишь, мама? Иди к себе, там нечего бояться!

– Ванька что ли ушёл куда-то? – спросила Света, выставляя на стол только что приготовленный обед.

– Ушёл. У него дела сейчас пошли. Ходит, барыши делает (Барыши делает *разг.* – перепродает, спекулирует) с ромами. Золото, машины перепродает, на проценты даёт. Недавно принёс денег, радовался, что заработал. – Тамара села за стол. Света поставила ей тарелку и положила тушёное мясо с картошкой.

– Повзрослел он с тобой. Хорошо на него влияешь. Зарабатывать начал. – отозвалась свекровь.

Тамара улыбнулась в ответ и неспеша приступила к еде.

– М-да. Он говорит, что я его талисман. Говорит, что раньше ему не везло ни в чем – ни в делах, ни в игре. А теперь во всём везёт. – похвалилась Тамара и протянула руку за куском хлеба, – Мясо не досолили, мама.

– С солью и дождевых червей съешь – вкуса не почувствуешь. – ответила недовольная то ли замечанием, то ли бахвальством Света. Впрочем, вполне спокойно, без грубости. Тамара промолчала. Ей не понравился ответ свекрови. Возможно, мать не хотела её задеть – задумалась девушка, но ответ неприятно резанул слух. Разговаривать дальше не захотелось. Тамара понимала, что находится в чужом доме и не могла почувствовать себя здесь раскованно. Она привыкла к свободе и самостоятельности, но сейчас чувствовала постоянное стеснение. «Нужно приучить себя. Сдержаться!», – произнесла девушка в уме и промолчала.

11

На краю больничной койки, рядом с Тёткой, сидела Анжела, самая младшая её племянница, ей было 28. Две другие племянницы, старшие сёстры Анжелы, Ира, 37-ми лет и 45-ти летняя Галя сидели на стульях рядом. Больничную палату переполнял мерзкий, пронзающий запах.

Этот запах был визитной карточкой российских больниц уже многие годы. Управление районом, а вместе с ним и лечебницей, периодически переходило то к ополчению, то его снова отбивали правительственные войска, но запах всегда оставался прежним. Он давал понять каждому оказавшемуся там: «Всё – одно! Мы все пациенты одной вонючей больницы!». Очнувшись, никто никогда не спрашивал: «Где я?» – только открыв глаза, он сразу это понимал. Старая цыганка не стала исключением.

Старшая, Галя, открыла окно, чтобы проветрить палату. Помещение было просторное, рассчитано на 12 человек, но пациентов лежало всего трое. Всё потому, что больница в настоящий период находилась на территории ополченцев и обслуживала небольшой подконтрольный им район. Зато с другой стороны административной границы, на территории Правительственных Войск, больница была гораздо меньше на большую территорию, оттого была всегда переполнена. Если бы случилось так, что Тётку отправили туда, то скорее всего спасти уже не успели бы. Но она попала вовремя и куда следовало, её откачали.

Полная бабка, лежавшая на койке в углу палаты, с каждым выдохом стонала. Казалось, что стон был просто звуковым сопровождением её дыхания. Возможно, она спала, потому что кроме этих выдыхаемых звуков больше не подавала признаков жизни, а возможно, была в бреду. Сёстры, изредка заглядывающие в палату, не обращали на неё никакого внимания.

Другая пациентка расположилась на койке у противоположной к Тётке стены. Это была солидная женщина. Полусидя она читала книгу, но украдкой, поверх очков, поглядывала на цыганок, которые вели себя в палате уверенно, будто у себя дома, при этом абсолютно не обращая внимания на неё. Где-то внутри, несмотря на то, что самой было абсолютно не до цыганок, ей вдруг захотелось показать, что человек она не простой, имеет серьёзную должность и нахо-

дится при власти. Захотелось осадить женщин, чтобы они не чувствовали себя так уверенно в её присутствии. Но рационализм взрослого человека не позволил этому желанию реализоваться. Проще было о нём забыть, чем глупо выглядеть, без причины и не к месту рассказывая о себе. Она просто стёрла эти мысли из своей головы и попыталась отвлечься на чтение.

Тётка заворочалась, тяжело выдыхая.

– В себя приходит! – тонким голоском сообщила остальным сёстрам Анжела. Обе сестры подвинулись ближе к койке.

Старая цыганка с трудом раскрыла глаза и увидела перед собой всех трёх племянниц. Больничная вонь ещё до того, как сознание вернулось, сверлила из внешнего мира во внутренний, как ненавистный сосед с перфоратором.

– Что случилось? – спросила Тётка.

Молодые цыганки с озабоченными лицами запричитали: «Мы уж и не рассчитывали!», «Хорошо, что так ещё!», а у самих в глазах читалось любопытство.

– Что? – нетерпеливо переспросила Тётка.

Племянницы резко замолчали и переглянулись между собой:

– Померла ты! – откликнулась первой Ира.

– Сердце двадцать минут не билось! – словно вспомнив о своём старшинстве, поспешила ответить Галя. Но Анжела её оборвала:

– Ты что, дура что ли? Какие двадцать минут? После двадцати минут уже не откачаешь! Две минуты!

Галя мгновенно надулась, испытыв неловкость, но, признав свою ошибку, быстро забыла эту дерзость младшей сестры:

– А две? – она усмехнулась исподлобья, – Ну, я что понимаю?.. Где две, там и двадцать.

– Да тише вы, сороки! – хрипло протянула Тётка. Племянницы замолчали, вспомнив о предмете своего любопытства. Более выдержанная Ира снова первой высказала то, о чём стеснялись спросить другие сёстры.

– А мы идём к тебе в больницу и думаем: вот очнёшься, что-нибудь сможешь рассказать?.. Видела ты чего? Как все говорят: туннель, свет в конце, умершие родственники?

– Кхэн (Кхэн *цыг. разг.* – да ну.)! – ответила Тётка, – Ерунда это всё.

– Как ерунда? – разочарованно переспросила Анжела.

Цыгане – народ парадоксов, искусно сочетающий несочетаемое. Они и очень верующие, и при этом очень суеверные. Поэтому и слухам о том, что после смерти человек должен пролететь через туннель на свет в его конце, а там встретиться со своими умершими родственниками, которые отведут его на суд Божий, они верят практически безоговорочно. Когда Тётка отмахнулась от того, что должно быть наверняка, это не просто разочаровало, а практически поразило всех троих.

– Да так! Ерунда! Нет там ничего – тьма одна и всё.

– Тьма и всё? – недоверчиво и разочарованно переспросила Галя.

– Да, тьма и всё. – пытаясь поставить точку в разговоре, Тётка отвернулась от племянниц к стене. Те недоверчиво завздыхали, мол, может, и не было никакой клинической смерти. Эти вздохи заставили старую цыганку подумать: «Но ведь это не всё! Сказать? Не поймут...». Вместе с последней фразой она уже снова переворачивалась к племянницам лицом. Те посмотрели с надеждой.

– Это не простая тьма... – задумчиво проговорила Тётка. Родственницы с нетерпением уставились на неё. «Вот было же всё-таки что-то! Видела что-то!» – тяжеленный подкатывающийся камень разочарования замер и не успел раздавить смысл жизни каждой из племянниц...

– Да что вам, дурам, объяснять-то – всё равно не поймёте! – Старая цыганка, видя глаза женщин, жаждущие подтверждения мифов, мгновенно пожалела о том, что собралась высказать свои мысли, – Идите уже по домам! – буркнула она.

– Тётка, ну что, тебя уговаривать? А может, мы только и ждали того, что ты скажешь! А ты, как гаджюшка (Гаджюшка – от *цыг.* «гади» нецыганка.), заговорила. «Нет там ничего»... Это гадже ни в Бога, ни в чёрта не верят, а если ты переступила черту и в памяти твоей осталось что-то – расскажи. Ведь у всех у нас есть умершие родственники, которые нас однажды должны встретить! Объясни нам, дурам, а то, глядишь, и поймём! – с сарказмом бросила вызов Тётке Галя.

– Поймёте? – Тётка нехотя повернулась на спину и продолжила, – Я тебе говорю: всё, что там есть, это сплошная тьма. Но тьма эта – есть всё, она и есть Бог!

Галя ехидно усмехнулась. Ира недовольно отвернула лицо в сторону окна. Ангела потупила взгляд.

– Да что ты говоришь? Бог – это свет! Из библии-то не слышала такого? – издевательским тоном ответила Галя. её подсознание не собиралось ломать стереотипы, оттого что потом придётся сильно напрягать оставшуюся часть аппарата под названием мозг. Оно уже нашло более простое решение для создаваемого Тёткой внутреннего конфликта: старуха на самом деле ничего, кроме бреда, не запомнила или не успела за две минуты увидеть. Оттого и рассказать ей нечего.

– Свет? Бог – это всё! Ты окна закрой и в тёмной комнате зажги свечу. Чего больше: тьмы или света? Что главнее? Ты в небо ночью погляди, чего больше: света или тьмы? Тьма – это основа всего. Тьма – это Бог! Просто мы всё воспринимаем наизнанку, потому что видим, благодаря свету, но после смерти глаза нам не нужны – мы оказываемся во тьме и сливаемся с ней. Когда сольёмся, становимся Всем. Но это не сразу. Сорок наших дней мы ещё тут будем, пока не умрём окончательно.

– Подожди! Какие сорок дней? Ты в больнице второй день всего! Как ты это поняла тогда? – племянницы, переглядывались между собой, стремясь найти в её словах доказательства ереси и поднять насмех.

– Вот, дура ты. А ещё умной делаешься. Мозгов, как у курицы! Хочешь меня подловить, мол, бред какой-то? Там всё – это одно целое, на секунду там окажись – сразу поймёшь всё – на век вперёд! Туннель был... Да... Но это... Ну, чтобы как бы с телом разъединиться... А тело ещё живое сорок дней будет. Оно тебя держит, как груз на шее, со дна реки не даёт всплыть! Это сложно всё словами объяснить – это как бы понимаешь просто. Внутренне. Я до тьмы не дошла – я рядом с телом со своим так и стояла. Но! Понимала, что нужно Туда!

Все замолчали. Сёстры окончательно потеряли интерес к словам Тётки, для себя убедившись в том, что у неё с головой что-то не то. Они выдержали паузу и засобирались:

– Ладно, идти пора нам! Давай яблоки ешь, поправляйся. Не чуди больше. – с усмешкой добавила Галя. И все они вышли из палаты.

Тётка, мысленно ругая себя за то, что всё-таки попыталась рассказать о своих постсмертных ощущениях, повернулась к стене. Голос соседки по палате, той, что читала книгу, прервал тишину:

– А что разве к тебе мёртвые не приходили? – она чуть запнулась и добавила – Меня вот с собой звали...

Тётка обернулась, посмотрела на женщину. «Вот кому можно было сказать, а не моим каркушам».

– Были. Как в кино. Фильм ужасов устроили. – ответила она – Меня сначала через туннель выкинуло, и я рядом с телом оказалась. Так и стояла, пока меня врачи током били. Смотрела. Потом как будто что-то за спиной почувствовала. Оборачиваюсь – они все за моей спиной стоят: Саша – муж и сыновья (трое их у меня было). Я повернулась, думала, они меня забрать пришли, хотела к ним подойти, да моё тело, которое врачи током били, хватя меня за руку! Да так вцепилось, что мне и шага вперёд не сделать. И его не стащить – оно словно к столу приросло! Я гляжу на свою руку и понять не могу: то ли тело меня за руку держит, то

ли я его! А эти и с места не дёрнулись! Я опять на них гляжу, и вдруг они словно начинают по очереди срываться и в моё тело влетать. Я от этого как будто слышу какой-то мерзкий крик. А они не прекращают: один, другой, третий... А те, кто на место возвращается, мне начинают рожи корчить, такие страшные, и звуки такие от них непонятные исходят: то ли музыка, то ли шум просто... – Тётка задумалась на секунду и продолжила: – А потом они ростом начали уменьшаться и сделались, как карлики. Стали бегать вокруг меня и руками махать, и звуки такие издавать... Знаешь, как будто дети кричат-разрываются. А потом моё тело, будто меня опять за руку дёрнуло. Я обернулась и увидела на лице у себя какую-то чёрную точку. Она будто расти начала. Я не поняла, сделала шаг приглядеться. Гляжу, а эта точка, как чёрная воронка. И растёт очень быстро. Я подумала тогда: «Ну всё, капец!» – Врачи зря стараются. А воронка быстро стала огромной, поглотила моё тело, а оно, как меня держало за руку, так и затянуло тоже. Я провалилась в темноту. А там время будто исчезло. Ну и я уже тут очнулась...

Они обе замолчали на минуту, переваривая сказанное Тёткой, а потом соседка спросила:

– Слушай, а как твоя семья погибла? В автокатастрофе что ли?

– Да... В катастрофе, – нехотя ответила Тётка, – Только не в авто-, а в катастрофе XXI века. Наркотики всему виной.

– А сыновья молодые были? Не семейные?

– Ну, почему не семейные? Семейные!

– Так у тебя внуки есть?

– Есть... – старая цыганка скривила лицо, – да не про мою честь!

– Как так?

– Не общаемся с ними.

– Как так? – возмущённо начала соседка – Да разве так можно? Это же единственное, что их с тобой связывает! Они же в детях своих живут теперь!

– Ой, да отстань ты со своими нравоучениями! Ещё с тобой объясняться буду! – обрезала её Тётка и отвернулась окончательно к стенке.

12

Ваня, выпивший и довольный, вернулся домой поздно. Тамара ждала его и не ложилась спать. Она не нервничала из-за позднего прихода мужа и не ревновала его. Скорее её раздражало то, что придётся подняться посреди сна, если она всё-таки ляжет. Хотелось спать. Но она дождалась.

Многие жёны стремятся к уверенности в своих мужьях, надеясь на то, что она подарит им спокойствие и отсутствие ревности. Некоторые находят спокойствие в безразличии, а порой и в собственной неверности. Каким бы не было решение, все ищут спокойствия. Ищут ту единственную точку сосуществования, в которой получится сохранить семью и при этом свой персональный жизненный комфорт. Цыганский менталитет и личные качества позволили Тамаре найти такую точку: она допускала измену мужчины. Приглушая собственное Эго, а вместе с ним ряд комплексов и фобий, она научилась разделять в своём воззрении отношение к ней и отношение к другим женщинам. Проще говоря, Тамара была убеждена в том, что семья для мужа – это святое, и даже его измена не сможет повлиять на их совместную жизнь. Конечно, она была не права. В реальности могло возникнуть множество ситуаций, когда бы измена мужа не просто внесла свои коррективы в их жизнь, но и полностью разрушила бы её. Например, краткосрочные отношения на стороне могли перерасти в постоянные и, в конечном счёте, привести к разводу. Но могла ли это Тамара как-то не допустить? Конечно, она об этом задумывалась, но была готова делить мужа с любовницей. Впрочем, было бы лучше об этом просто не знать. И ещё... чтобы у мужа хватило мозгов не принести какую-нибудь заразу. Вот это был бы позор. В общем, подход у Тамары был своеобразным, но в некоторой степени выгодным. В

той степени, которая отвечает за её собственное спокойствие. Что касается Вани, который не мог не замечать такого отношения, ему оно спокойствия не придавало. Некоторые мужчины были бы рады такой прохладе, но не Ваня. Его это задевало до глубины души. Парень не мог понять, как любящий человек так спокойно отпустит своего супруга невесть куда, невесть с кем. Может быть, и не любит вовсе? И пока Ваня беспокоился об этом вопросе, подсознательно стараясь привлечь к себе жену, покорить, обольстить её, чтобы увидеть её любовь, ему было не до связей на стороне и даже не до мимолётных увлечений.

– Почему ты так поздно? – недовольно спросила Тамара. Этот вопрос обрадовал Ваню: «Неужели заревновала?».

– С ребятами сидели. А что?

– Да ничего. Мог бы обо мне подумать. Ты же знаешь, что мне не уснуть, когда я знаю, что ты придёшь. – В ответе Тамары не прозвучало ни капли ревности. Ваня разочарованно продолжил:

– В казино были. Представляешь, снова выиграл. Много! Очень много!

Ваня достал пачки денег из карманов и бросил их на кровать.

– Смотри сколько! – пытаюсь обрадовать Тамару, он уже забыл о своём разочаровании и переключился на другую тему.

– Это хорошо. – сдержанно ответила Тамара. Она села на кровать и сложила пачки купюр в одну большую пачку. Она и сама любила деньги, но понимала, что эту удачу нужно использовать правильно. – Ваня, я думаю пока деньги есть, мы должны вложить их во что-то. Не должны всё потратить.

Молодой человек тоже сел на кровать и задумался, через несколько мгновений ответил:

– Ты права. Нужно подумать о будущем. Вдруг эта удача однажды закончится. У тебя есть мысли, куда вложить?

– Я думала квартиру нам купить. Мы же не можем всегда жить с родителями. Потом будет ребёнок, его тоже нужно жильём обеспечить.

– Да ну... Солнышко, ну зачем нам сейчас квартира? Пока можно с родителями пожить, открыть какой-то бизнес, встать на ноги, а потом спокойно покупать квартиру. Важнее себя обеспечить, чем сидеть без заработка, так же, как мы сидим сейчас с родителями.

– Ну почему без заработка? По крайней мере, ты не прогоришь. Уже хорошо. А если совсем всё плохо будет, сможем переехать к родителям обратно, а квартиру сдавать. Вот и заработок.

– Да какой там заработок? Ты подумай сама – копейки, а вложения огромные! Я в магазин вложу, так получать буду оттуда так, что и накопить сможем на квартиру. Я уже всё просчитал.

– Ваня! Ну что ты просчитал? Ты иллюзиями живёшь! Сам себе сказку придумываешь, как будет всё хорошо, и веришь. Люди с магазинами разоряются, вообще потом вернуть не могут вложенных денег! А ты вот такой особенный? Быстренько станешь состоятельным бизнесменом? Что за бред? – Тамара начала нервничать, потому что предпочитала более надежные варианты вложения денег, Ваня же по натуре был авантюрист и мог легко пойти на риск. Он был убеждён в том, что это единственный верный вариант сохранить лёгкие деньги. Парень рассердился:

– Ты ничего не слышишь, – только себя! Всё должно быть по-твоему! – и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Тётка вышла на улицу и вдохнула прохладного, свежего воздуха. Уже привычный запах больницы вдруг заметался вокруг цыганки. Он вьелся в её одежду и теперь, выветриваемый порывом воздуха, не хотел её отпускать. Его истерический трепет неприятно обжёг ноздри.

Захотелось снять всю одежду и сжечь. Впрочем, чтобы избавиться от запаха, наверное, нужно было бы снять кожу.

Когда Тётку выписали, племянницы хотели встретить её и отвезти домой, но она отказалась, уверенно и грубо. Она пошла по улице, от больницы к остановке маршруток. Жалкая, худая, немного сгорбленная. Её длинная «в пол», темно-синяя юбка вся была в волосах и катышках, короткая куртка из кождама местами рваная. Выглядела цыганка ослабшей и бледной. Но ни одного седого волоса в голове.

Погода была грязная. Тётка ещё помнила те времена, когда в феврале были метели, скрипел морозный снег под ногами, а влага в носу замерзала от ледяного воздуха, но погода в мире изменилась. Все краски времён года словно смешивались между собой, образуя буро-серую массу. Февраль – это грязный асфальт с лужами и островками из серого, прогнившего снега. Чёрная, мягкая и тёплая земля на газонах. Ветер. Пронизывающий, нескончаемый ветер. По улице вдоль – машины. Погода изменила даже их. Раньше здесь ездили лакированные иномарки, теперь в основном грязные внедорожники и ободранные, тонированные корыта, битком набитые мужчинами в камуфляже. Люди, как локомотивы, идущие навстречу, так и норовили столкнуться лоб в лоб. Видимо, погода повлияла и на них. Ожесточила, высушила, заморозила их души. Грязь накрыла весь город, всю страну, весь мир. И во всём была виновата эта мерзкая погода.

Тётка дошла до остановки. Подкатила полупустая маршрутка. Цыганка залезла в неё и тяжело села у окна. Голова её немного кружилась от свежего воздуха и короткой прогулки. Она облегчённо выдохнула и уставилась в окно на мелькающие грязные штрих-коды деревьев. Удивительное спокойствие воцарилось в её душе: будто впервые за много лет море внутри неё успокоилось. Шторм, который уже воспринимался как должное, стих, и изумила красота спокойной воды. Не было раздражения и злобы на окружающих. Все толкались, давились, злились друг на друга, но ей было всё равно. Она не хотела ничего никому объяснять, вразумлять и доказывать. Тётка просто сидела у окна среди кишачих в железной коробке людей, но не была среди них. Кто-то раздраженно задел её ногой на выходе и навсегда исчез за дверями. Исчез вместе со своей злостью, не стоящей внимания. Тётка просто смотрела в окно, даже не потрудившись узнать, кто это был. Покой приходит из тьмы.

Нечто извне проскользнуло в глубину мыслей цыганки. Тонко и отвратительно пропищал сигнал не в голове, а по всему телу одновременно, неприятно передавив дыхание, насильно возвращая в реальность окружающей маршрутки. Ощущение пристального взгляда в спину. Фокус зрения Тётки поймал в стекле автобуса, прямо перед её носом, отражение человека из глубины салона с очень знакомыми чертами лица. Это была женщина. Старая цыганка обернулась и увидела между пассажирами в конце маршрутки, у дверей, смотрящую на себя... Саму себя. Женщина была похожа на неё, как отражение в зеркале, только волосы все до одного были седыми. Их взгляды встретились. Это словно парализовало Тётку, она не могла сдвинуться с места, а рот её непроизвольно приоткрылся. Мурашки пробежали по спине, плечам и коленям. Седая не отводила глаз. В её взгляде не было ничего укоряющего, злобного или неприятного, наоборот, он был насыщен внутренней открытостью, нежностью и добротой.

Происходящее вызвало у Тётки ощущение диссонанса между реальностью и вымыслом. Всё вокруг задрожало, завибрировало. Цыганка не понимала, что происходит. Это не было похоже на ощущение, когда увидишь себя в зеркале. Казалось, что некто захватил её тело и теперь управляет им, в то время, как она сама сделать уже ничего не может. В любом случае ощущение было ярким, неоднозначным и трудновыразимым. Тётка понимала, что видит не просто очень похожего на себя человека, а своего рода посланника. Седая отвела взгляд и нажала на кнопку над дверью, требуя остановки. Автобус остановился, задняя дверь открылась, и женщина вышла. Она встала на тротуаре и снова посмотрела на Тётку через окна. Маршрутка поехала, а Седая, стоя на месте, провожала её взглядом, пока не скрылась из виду.

Через некоторое время Тётка отошла от увиденного и пробубнила себе под нос: «Что это было?».

– Что? – спросила её старушка, сидящая рядом.

– Да ничего-ничего, дочушь, отдыхай...

Старая цыганка доехала до своей остановки. Уже начало темнеть. Когда она подошла к дому, заметила в своих окнах свет. «Вот, сороки! Это что ж, целую неделю горел? А им что? За электричество не им платить!» – подумала Тётка. Она захотела разозлиться, как обычно, но поймала себя на том, что не может, а мысли её были абсолютно без раздражения и злости. Это небольшое отклонение от нормы вызывало лишь приятное спокойствие. «Вот, что значит не пить некоторое время. Не с водкой отдыхать надо, а от водки». – заметила она. Цыганке захотелось удержать это умиротворение как можно дольше, и она постаралась поощрить свои изменения, добавив мысленно доброты: «Ну и фиг с ним, со светом! Девчонки – молодцы! Не бросили, посреди ночи ко мне приехали! Без них и платить бы некому уже было!». Настроение стало ещё лучше, а на лице проявилось подобие улыбки. Мышцы настолько отвыкли от этого выражения, что его нельзя было назвать улыбкой – всего лишь сползшее набок, натянутое искривление губ, но и этого было достаточно, чтобы понять, что процесс метаморфозы личности запущен.

У подъезда, как стражи по обе стороны дорожки, стояло несколько тополей. Тётка прошла между ними и, когда уже подходила к двери, та резко распахнулась перед ней, напугав цыганку. По её коже пробежал холодок. В подъезде была кромешная тьма. Как всегда, перегорела лампочка. Внезапно из тьмы появился движущийся ей навстречу силуэт. Когда полусвет улицы озарил лицо движущегося, она узнала в нём Сашу. Он шёл и улыбался. Тётка почувствовала, как зашевелились волосы на её затылке. Она отпрянула назад и попятилась, пока не упёрлась спиной в ствол тополя. «Господи-боже!» – старая цыганка трижды перекрестилась. Саша вышел из подъезда и, глядя ей в глаза, прошёл мимо. По коже Тётки волнами то вверх, от ног к лицу, то обратно вниз, пробежали мурашки. Ноги потяжелели и обмякли так, что едва держали вес тела. Цыганка осторожно обернулась, но в сумраке улицы уже никого не было. Она снова посмотрела во тьму подъезда, со страхом подумав о том, что нужно идти домой через неё, и снова увидела силуэт – только на этот раз ей навстречу вышел старший сын, Шандор. Он тоже улыбался матери. Сразу за ним вышли Витя и Ваня. Все прошли мимо Тётки и исчезли. Только Ваня остановился на мгновение и, улыбнувшись, сделал жест, приглашающий её войти в подъезд. Затем он поспешил вслед за братьями, но когда оказался за спиной, Тётка вдруг услышала его голос: «Ну, что ты стоишь, мама? Иди к себе, не надо бояться!». Голос заставил цыганку вздрогнуть и немного привёл в чувства. Она обернулась – на улице было пустынно. Где-то вдалеке привычно трещали взрывы снарядов.

«Странный денёк сегодня!» – подумала Тётка. Ноги её ослабли, и она села на скамейку возле подъезда. Цыганка вспомнила похороны своего мужа, а затем висящего в петле Шандора, не сумевшего пережить смерть отца, последние дни Вити и Вани, пристрастившихся к наркотикам и умерших один за другим: первым Витя, который заразился СПИДом, а в тот же год и Ваня – разбился на машине. Слёзы текли по её щекам. Они не текли уже давно, даже когда очень хотелось плакать. Даже когда ей казалось, что она сейчас плачет, но нет... Глаза её были сухими. После смерти Шандора слёз уже не осталось даже на Витю и Ваню. Но вот они снова текли по её щекам, а с души, как оползень, смесь камней и грязи, уходила боль. Тётка зарыдала во весь голос. Она рыдала своим скрипучим, пропитым и прокуренным голосом, как маленький ребёнок, а за её спиной стояли её муж и сыновья, которых она уже не видела. И, возможно, тогда у неё появился первый седой волос. Тётка выплакалась, стало легче: «Но для чего же они пришли, укорять меня?» – подумала Тётка, – «Не похоже. Или...».

Тётке тяжело было думать о чём-то. Она отбросила мысли, встала со скамьи и шагнула во тьму подъезда. Уже не было страха. Наоборот, она даже почувствовала окутавший её уют.

Цыганка наощупь поднялась на свой этаж. Посветила зажигалкой, чтобы воткнуть ключ в замочную скважину. Открыла дверь и услышала голоса в своей квартире. Это были её племянницы, с мужьями и сыновьями.

14

Бывает так, что человек тебе не просто нравится, а какая-то внутренняя сила тянет к нему. Сила, которой очень сложно сопротивляться. Яркое, мощное влечение. Понимаешь вроде, что человек этот абсолютно тебе не подходит, но ничего с собой сделать не можешь. Расстанешься с ним и начнёшь другую жизнь – этот человек годами не выходит из головы, снится. Но ваша совместная жизнь могла бы стать сущим адом. Многие это чувство называют «любовью», но, если разобраться, именно оно как раз, ей – любви – самая настоящая противоположность. Это наша физическая, животная сущность, которая гораздо ярче и сильнее, чем тонкое, мягкое, пронзающее изнутри чувство родства и готовности идти вместе через годы. Страсть и Любовь – такие разные – должны бы сплестись в один клубок, но редкий счастливчик может завладеть им целиком. как правило, нам достаётся лишь одна из нитей.

Тамара не испытывала к Ване яркого влечения, но понимала, что он ей подходит, что другого такого не найти. Муж был заботлив и участлив, он стремился к развитию семьи, был самодостаточен по натуре, целеустремлён, никого не слушал и не поддавался ничьему влиянию, кроме как её. Что еще нужно девушке от мужчины? С таким можно и нужно быть выдержанной и дожидаться того времени, когда душа откроется ему и сердце медленно заполнится тёплым чувством, которое уже не покинет никогда. Да, Ваня иногда был вспыльчив, но цыганская кровь это прощает, тем более он быстро остывал. Всё больше узнавая мужа, Тамара делала вывод, что даже его недостатки нужны для того, чтобы долго жить вместе. Идеальных людей не бывает, как и совершенных семейных отношений, и те ссоры, которые происходили между ними, не только не ухудшали их союз, а в общем делали его лучше. Возможно, и сам Ваня не испытывал того влечения к Тамаре, но и он бы не отступился в этом случае. Тем более, что некто сверху активно поощрял их брачные узы поразительной удачей.

Тамара начала чаще задумываться над этим: кто именно сверху одаряет их и зачем? Везение казалось очень явным. Конечно, всё же не чудесным – каждый купленный лотерейный билет не выигрывал. Поэтому оно как бы вписывалось в пределах реальности. Но... Только Тамара с Ваней поругались бы, обиделись друг на друга, как тут же их удача пропадала. А когда мирились снова – дела налаживались. Это не кидалось в глаза, пока не повторилось бесчисленное количество раз, после множества горячих цыганских ссор.

«Что же это такое? – думала Тамара, – Бог ли старается удержать нас вместе, либо Дьявол играет с нами? Чем я должна заплатить за это везение? Должна ли я принять эту удачу, семейное счастье, деньги – и тем самым отвернуться от Бога? Ведь это всё мирское и не может быть дано Богом. В конце концов, чем я это заслужила? Или, наоборот, Бог ставит передо мной выбор: либо успех в жизни, либо любовь?» – Тамара путалась в своих догадках, пытаясь найти объяснение этой тонкой, вплетающейся в её жизнь, мистике, но испытывала чувство вины и страх быть наказанной Богом за её выбор.

– Бог, дочушь, никого никогда не наказывает! – ответила ей свекровь, когда Тамара поделилась с ней своими сомнениями, а потом добавила: – Я вот думаю, что вам надо бы отдельно пожить.

Тамара замерла от удивления. Она была бы рада этому, но не видела сейчас финансовой возможности переезжать в съёмную квартиру. То есть деньги были, но не было уверенности в их постоянстве. Если уж начинать снимать квартиру, то нужно иметь постоянный доход.

– Я не знаю. – сдержанно ответила она. – Мы хотели подкопить ещё немного и купить квартиру. Ну, как мы... Я хотела. Ваня пока не хочет, говорит, что лучше деньги в бизнес вло-

жит. А потом уже накопим. – Тамара испытывала чувство вины. Ей вдруг показалось, что све-кровь намекает на то, что они должны быть более самостоятельными и подумать о нормальном заработке. Но поняла, что ошиблась, когда услышала ответ:

– Ну, так и пусть вкладывает, куда хочет. Лишь бы ума набирался. – небрежно бросила Света. – Саша вам купит квартиру.

– В смысле купит? Мама, вы так говорите, будто за хлебом сходить. – У Тамары перехватило дыхание.

– Да успокойся, дочушь. Отец Шандору после свадьбы купил и Вите купил. И Ване купит. У него скоро крупное дело намечается. Он уже сам говорил, что с того барыша купит квартиру Ваньке.

15

Когда Тётка открыла входную дверь, из её привычно безмолвного жилища в темноту подъезда пролился не только свет, но и шум, создаваемый несколькими людьми. Она, не понимая, что происходит, вошла в дом и заглянула в комнату. Посреди стоял накрытый стол, за которым сидели мужа всех племянниц и, рядом со своим отцом, 8-ми летний сын младшей Анжелы. Несмотря на местами ободранные обои, бетонный пол без покрытия, вставленный кусок фанеры в наполовину выбитом окне, в доме появилось подобие уюта и семейного тепла. Даже периодические взрывы с линии фронта как бы притихли. Два сына Гали, один 23-х лет, другой 22-х, и 21-летний сын Иры громко обсуждали недавнюю атаку ополченцев и взрыв скорой помощи, покуривая на кухне, у окна. Галя поставила на стол жареную утку на большом металлическом подносе. Увидев Тётку, она посмотрела на неё искоса и по-доброму улыбнулась:

– Ну что, встала? Проходи!

Тётку охватило радостное, доброе чувство, которое она не могла показать – что-то изнутри ей мешало, даже гадко было менять себя. Но к перемене тянуло через силу. Цыганка почувствовала себя ослом, которого за узду тащит вперёд сильная рука, и как бы она не упиралась, мало-помалу идёт за этой рукой.

– Ну спасибо. Пригласили меня к себе домой, – зло пробубнила Тётка, продолжая упираться руке.

– Ну вот! Ей как лучше хочешь, а она с порога хамит! – возмутилась Галя.

– Что значит «лучше»? Чего за повод? Решили моей жилплощадью воспользоваться? Могли бы поставить в известность. – Она скинула обувь, надела тапки и сняла куртку.

– Ну ты даёшь, Тётка! – обиженно ответила Галя. – Мы ей стол собрали, хотели второй день рождения отметить, а она...

– А на первый ты где была, мать Тереза?

– Ой, да ну тебя! – обиделась Галя и ушла на кухню дальше помогать сёстрам.

Тётка прошла к столу и молча села на шаткий ободранный стул, не поздоровавшись с мужьями племянниц, которые на мгновение замолчали, но предпочли не реагировать на хамство старой цыганки. Она сама себе плеснула водки в рюмку. Выпила. «Тяжело пошла... Ужас! Это что? Спирт, что ли?» – Тётка взяла бутылку в руку, повертела, рассматривая этикетку. «Вроде хорошая водка – отвыкла за неделю!» – она снова налила и снова выпила, через силу. Отвращение прокатилось волной по всему телу. «Фу! Какая гадость! – Зачем заставляешь себя? Не хочешь, не пей!» – подумала цыганка.

Через некоторое время в комнату вошла Анжела с несколькими салатницами в руках.

– Здравствуй, Тётка! Как ты?

– Моя любимая племянница! Я – хорошо!

– Ты что, уже успела напиться? – насупилась Анжела.

– Не поверишь, дочушь, выпила стопку – не идёт. Сама не знаю, что это со мной, – старая цыганка засмеялась. – Может, мне пить бросить?

Мужчины за столом снова притихли, поглядывая на хозяйку квартиры и недоверчиво ухмыляясь.

– Налей-ка мне чаю лучше! – продолжила Тётка. – Чтобы зятки не усмехались, удивлю их и пить не буду, – со скрытой обидой добавила она. – Тем более с ними, недолугими!

– Да ладно, Тётка, мы не над тобой смеялись. Чего такая злая? – ответил кто-то из них.

– Шутки-шутками, а пить тебе и вправду нельзя с твоим сердцем. Врачи тебе запретили, – откликнулась Анжела.

– А это только кажется, что я шучу. Или несерьёзно говорю. Настроена я серьёзно. Не хочу пить.

– Ну и, дай Бог, твой настрой сохранится. Сейчас чаю принесу.

– Давай, дочушь!

Женщинам на кухне понадобилось ещё полчаса, чтобы закончить кулинарничать, после чего все собрались за столом. Сёстры, их мужья и сыновья (за исключением сына Анжелы) выпили за здоровье Тётки. Потом ещё разок. Запах водки перемешался с запахами жареной утки, салатов и сигаретного дыма, поплывшего по комнате. Цыгане часто курят за столом во время посиделок. Обстановка разрядилась, все почувствовали себя более раскованно и комфортно. Ира, которая отличалась своей выдержанной молчаливостью, впрочем, за которой скрывалась не столько мудрость, сколько хитрость и дерзость не меньшие, чем у Гали, сказала Тётке:

– Ты знаешь, мы, когда тебя в больнице послушали, потом обсуждали... Будто в тебе изменилось что-то. Ты, прям, заговорила по-особенному. Мы сразу-то не поняли, а потом подумали, что прислушаться надо. Человек с того света ерунду говорить не будет. Расскажи нам ещё что-то.

– Ой, начинается! – Тётка отложила вилку и отвернула лицо, пытаясь не повторить ошибки, допущенной в больнице, но позитивное расположение духа, полстопки водки и внимательные глаза гостей меняли ситуацию. – Да что рассказать вам? – задумалась Тётка. Она посмотрела на всех сидящих за столом и почувствовала вдруг, что не должна стесняться, не должна ничего утаивать. Поймут или не поймут – их дело. Правильно – это быть собой, не взирая на мнение людей. Правильно – это придерживаться своих взглядов и мнения. Правильно – не лицемерить. Возможно, не сейчас, но когда-нибудь кто-то из них вспомнит её слова, и они сыграют добрую службу. А сейчас... Пусть крутят у виска и осуждают. – Я... – Тётка откашлялась, – Когда во тьму окунулась, как будто начала понимать больше... Неграмотная я, объяснять не умею, но точно поняла – там Бог. Он совсем не то, что мы думаем. Как мы его видим. И не для того Он есть! Но Он не похож на нас! Он есть, но не для того, чтобы сидеть и нам помогать во всех наших проблемах и бедах. Бог – это Тьма, которая всё охватывает вокруг. Он знает всё: и о прошлом, и о настоящем, и о будущем, и как ты мог бы себя повести и как себя поведёшь... Все твои мысли знает.

Гости слушали её заинтересованно. Сегодня Тётка не увидела в их глазах насмешек.

– Все твои мысли знает, значит... – со знанием дела решила проявить свою заинтересованность Ира.

– Да, и мысли тоже... – задумчиво протянула Тётка, вспоминая, что хотела сказать. – Короче, вот мы ходим в церковь, молимся Ему, крестимся, венчаемся, отпеваем умерших, а Ему – всё равно!

– Да ладно! – не выдержала Галя.

– От тебе и «да ладно»! Кобыла, слушай молча, а то сама рассказывать будешь! – грубо огрызнулась Тётка.

– Да говори ты уже, больше ломаешься! Из себя важную строишь! – Не могла промолчать Галя. Часто эта неспособность промолчать, как Гали, так и Тётки приводила к серьёзным скандалам, а в итоге привела к их натянутым отношениям. Но в этот раз промолчала Тётка. Она поняла, что немного переборщила, услышав в голосе Гале опасную обиду, которая могла перерасти в серьёзную ссору. Этого не хотелось. Старая цыганка посмотрела на Галю тяжёлым взглядом, в котором читалось напускное желание убить, тяжело выдохнула и продолжила:

– В общем, Бог – это не как один человек, это как сразу много вместе взятых людей, да и не то, что людей, а вообще всего: деревьев, зверей, людей, планет – и всё это вместе, словно слипается в одну тёмную точку и составляет из себя Бога. А он чувствует через нас. Мы, как Его глаза. Ему не нужны никакие церкви, ему нужно только одно: чтобы в наших сердцах зла не было. Ему не нужно поклоняться. Не нужно бояться. Он дал нам свободу. Но из-за этого как бы сам перестал быть всемогущим. Его нужно почитать, но как бы через нас самих. Уважать друг друга, мир вокруг, но не поклоняться, потому что это поклонство – ничто! В поклонстве нет ни любви, ни уважения, ни жалости, а без этого никакая вера смысла в себе не имеет. Вера – это же очень важная вещь, это наш путь к Богу, чтобы Там не раствориться в пустоте, а слиться с всеоб... всезах... Да как это слово-то? Ну, когда всё вокруг ей принадлежит?

– Всеобщей? – подсказал один из зятей.

– Всеобъемлющей? – откликнулась Анжела.

– Да, Всеобъемлющей Тьмой. Чтобы наши глаза отдохнули от этого пронзительного и раздражающего света, чтобы закутаться в её уют и теплоту.

– Ну ты даёшь, Тётка! – улыбнулась Ира попытке применить такое сложное для цыган словосочетание, как «всеобъемлющая тьма». – Я от тебя в жизнь таких слов не слыхала!

– Ну слушай ещё: веру понимать надо, тогда она будет тверда, как асфальт под ногами. Когда мы понимаем, во что верим, мы к Богу и его посланникам относимся с почтением, а не со страхом. Страх перед Богом быть не должно. Он никого не наказывает. Я это давно знала, а теперь убедилась. Мы сами себя наказываем, потому что наша душа умнее, чем наше тело – она часть этой тьмы, а та всё знает! В общем, мы не рабы Бога, мы его дети, а дети не должны бояться родителей, они должны уважать их. Это в старину, может, был толк от того, что дети родителей боялись, а те их розгами стегали, а теперь – нет! Только хуже будет от этого!

– Ты знаешь, ты вот тут сейчас включила в себе батюшку по ходу. – с осторожным упрёком заговорила Галя. – А вот если бы ты своих детей розгами держала, может, и всё по-другому было бы!

– Да что ты знаешь? – с раздражением ответила Тётка, но снова сдержалась, не желая ругаться. – Хотя, я не говорю, что жизнь прожила правильно. Я и не понимала раньше, что не правильно жила, а сейчас не знаю, для чего мне это всё понимание... Мне бы сдохнуть поскорей, да понимать всё это там уже. Видимо, нужно для чего-то всё это... Скорее для себя самой, а не чтобы я кому-то объясняла. Вы сами за себя отвечать будете. У каждой из вас своя судьба! – Тётка договорила и по привычке взяла бутылку, плеснула себе. Подняв стопку, скривилась и громко поставила её обратно на стол, расплескав водку. – Ладно, Бог с вами! Пойду я спать, устала. Язык болит уже от болтовни! – Тётка встала и молча ушла в спальню.

Тётка вышла на крыльцо своего дома на Октябрьской улице. Он был, как прежде, ухоженным и полным семейной теплоты. Не было облетевшей штукатурки на колоннах и фасаде, не были разбиты оконные стёкла. Из открытого окна кухни приятно тянуло ароматом готовящегося обеда. Во дворе шуршали зеленью кусты и пахли хвоей ещё не срубленные на дрова, стройные, высокие сосны. Солнце разогрело воздух до 35 градусов. Шандор, несмотря на жару,

самозабвенно намывал недавно купленный «Мерседес». Витя и Ваня подтягивались по очереди на турнике в углу двора.

– Ребята, приведите отца кто-нибудь из скотника. Он всё оторваться от своих жеребцов не может! – хотя ещё и не таким резким голосом, как теперь, но всё же по-цыгански громогласно крикнула Тётка сыновьям – Гади (Гади *цыг.* – женщина-нецыганка, в д.с. помощница по дому.) уже на стол выставляет!

Младший Ваня тут же спрыгнул с турника:

– Сейчас, мам!

«Сейчас, мам! Сейчас... Мам... Мам!» – зазвучал со всех сторон его голос, пронзая сознание Тётки. «И я позову!» – зазвучал голос Вити. «Нет, я позову!» – бросил ведро с тряпкой намывающий машину Шандор. «Да я сам уже иду!» – отозвался из-за дома Саша. Все засмеялись.

Тётка, уже понимая, что ей всё снится и что она сейчас проснётся, всеми силами призывала себе: «Нет! Нет! Спи! Нет!». Но слёзы, текущие по её щекам, и промокшая подушка пытались вытащить её в реальность. Цыганка упиралась изо всех сил.

Она упала на колени, отбив их о каменное крыльцо, закрыла лицо руками и, рыдая, умоляла сама себя: «Нет, пожалуйста, спи!».

– Мама, ну чего ты? – раздался голос Шандора.

– Света, вставай – не дури! – улыбаясь в усы, поддержал его Саша.

Тётка убрала ладони и посмотрела на них, забыв о причине своих слёз и о маленькой победе над реальностью. Она засмеялась, решив, что просто хотела пошутить.

– Пойдёмте кушать, дорогие мои! – сказала она и, поворачиваясь ко входу в дом, нечаянно бросила взгляд в небо. То, что она там увидела, заставило её застыть на месте.

– Смотрите! Что это? – удивлённо проговорила она.

Лица её родных изменились и побелели:

– Это чёрная дыра, мама! – настороженно и испуганно ответил ей Шандор.

Явление образовалось в небе, неподалёку от Солнца, как будто застывшая, величественная чёрная планета на вид в полтора раза больше Луны. Как ангел апокалипсиса, она возвещала о страшном суде для всех живых и неминуемой смерти. Чёрная дыра казалась неподвижной, и всё вокруг будто затихло: не было слышно ни одного звука, но где-то там, на орбите планеты, она уже засасывала в себя атмосферу Земли. С крыльца создавалось впечатление, что голубой поток, утекавший в воронку безоговорочной смерти, застыл на месте, хотя на самом деле всё происходило с бешеной скоростью. В этот миг появилось понимание иллюзорности нашего восприятия скоростей, размеров и измерений, существующих в космосе. Сердце Тётки замерло, и она подумала: «Ну всё! Нам – капец!». Она поняла, что, несмотря на видимую неподвижность, в течении нескольких минут чёрная дыра затянет в себя всё: воздух и всю планету. Шансов спастись нет. Но всё же вместе с родными она вбежала в дом, закрыла на замок двери, надеясь на чудо. Муж и сыновья быстро сдёрнули все покрывала с кроватей и плотно закрыли ими окна, затем погасили свет, уселись в комнате и стали ждать. Тётка понимала, что все они сейчас умрут и пыталась представить, как это будет: то ли их всех разорвёт на части, то ли они успеют задохнуться от отсутствия воздуха. Через пару минут ожидания Тётка почувствовала, что дом начал трястись, как во время землетрясения. Зазвенели стёкла. Мебель стала падать и гнить на глазах. Дом принимал заброшенный вид. Это был вид того дома, каким он был сейчас. Из-за покрывал не было видно, что происходит снаружи. Тётка встала и осторожно подошла к окну. Немного отодвинув покрывало, она выглянула на улицу и увидела, что там всё поднимается вверх ногами. Не было понятно, что куда-то затягивает воздух и всё вместе с ним, скорее всё смешивалось, поднимаясь на определённую высоту. Создавался хаос: сосны и кусты выдёргивало из земли, кусками отлетала штукатурка от дома, комья земли, мусор взлетали в воздух – всё поднялось и крутилось, как в эпицентре мощного урагана. Но дом стоял.

Тётка испугалась и задёрнула покрывало. Она села рядом со своими, взяла кого-то из них за руку и плотно закрыла глаза, ожидая гибели. Вдруг всё стихло. Тётка огляделась по сторонам, не понимая, что происходит: неужели она ещё не умерла? Она поднялась и снова подошла к окну: снаружи было темно. В небе по-прежнему была видна чёрная дыра, которая стала в несколько раз крупнее. Из-за дома вышла помощница по хозяйству. Она посмотрела в окно на Тётку, затем в небо и стала что-то озабоченно лепетать, размахивая руками. Цыганка отпустила покрывало, взглянула на мужа и сыновей, которые с интересом наблюдали за её действиями, и вышла на улицу. В это время из чёрной дыры вылетел поток крохотных огоньков. Несмотря на то, что дыра казалась Тётке огромной, она всё же находилась далеко. Огоньки очень быстро преодолевали расстояние, а ближе к Земле распределялись во все стороны, пытаясь оцепить всю планету. Помощница испугалась и с криками побежала прочь за ворота, по аллее. Когда огоньки приблизились, стало понятно, что это летательные аппараты, наподобие вертолётной кабины, только без винтов. Внутри, казалось, сидели люди, но Тётка поняла, что это не люди, а какие-то высшие существа, очень похожие на людей внешне. Их глаза были чужими, не человеческими, хотя это почти не было заметно и ощущалось скорее интуитивно.

Один из аппаратов лучом выстрелил в убегающую помощницу и убил её. Другой приблизился к Тётке. Она начала махать руками и кричать, чтобы пилот не стрелял в неё, но вдруг поняла, что он не понимает по-цыгански, и стала кричать по-русски, как будто это могло её спасти. Аппарат завис и Тётка увидела ухмылку пилота, который собрался прикончить её. «Вот и мой судный день!» – промелькнуло в голове. В этот момент из дома выскочили Саша и сыновья. Они возмущались и с видом, как будто давно знают пилота, замахали руками, чтобы он убирался.

Цыганка увидела разочарованно-недовольное лицо пилота, и его разворачивающийся и улетающий прочь летательный аппарат.

– Господи, что за бред... – Тётка проснулась и села на край кровати, взявшись руками за голову. В квартире было тихо. Племянницы давно разошлись по домам. Бледный лунный свет падал через окно на её чёрные волосы и даже, как будто выхватил из темноты бледную прядь седых волос в её виске. – А-а, получается, сегодня у Саши годовщина... 13 лет... Мда...

– Ну и что? Опять на кладбище не пойдёте? – услышала она бодрый голос из-под кровати.

– А-а-а! – цыганка вскрикнула от неожиданности. Её кинуло в пот. Объяснения происходящему в голове не возникло, и это напугало ещё сильнее, – А-а-а! – протяжно проскрипела Тётка и запрыгнула на кровать с ногами.

Снизу по полу скользнула тень. Она приняла черты человека в шляпе на противоположной стене комнаты.

– Позвольте представиться: Камер-юнкер Афанасий Чеботарёв! – речь тени была быстрая и услужливая.

– Это ещё что за ... ? – Тётка вытаращила глаза на стену, – Ты еще что за рупуч? Афанасий... Чеботарёв... – Даже в состоянии шока грустный сарказм, въевшийся в речь Тётки, не покидал её. Стараясь понять, что происходит, Тётка произнесла: – Я не вижу твоего лица! Ты как под моей кроватью оказался?

Каждое слово Афанасия Чеботарёва заставляло тень то терять свои очертания, а затем обретать их снова, то плавать из стороны в сторону, то вибрировать, как от пламени свечи.

– Как оказался, так и рассказался! – бодро произнесла каламбур тень и растворилась в полумраке комнаты.

Тётка спрыгнула с кровати и зажгла свет. Около часа она обшаривала все уголки квартиры. Никого не было. Но уснуть не удалось. Чувствуя себя сумасшедшей, она просидела до 8-и утра неподвижно со включенным светом. Когда на улице окончательно рассвело, её всё-таки покорил сон.

Дом, обычно наполненный суетой и разговорами, свойственными большим семьям, опустел. Тамара осталась одна.

Ваня с братьями отправились в общественную баню. Они любили иногда ходить туда, не смотря на то, что во дворе была своя. Общественная баня – совсем другое дело, там можно не только попариться, но и пообщаться с другими цыганами, а общение дорого стоит. Света с Сашей ещё не вернулись из магазина.

Тамара не любила сидеть без дела, даже когда могла себе это позволить. Занятие чем-то делало её жизнь более полноценной. Тем более нельзя было упустить возможность заняться чем-то без острого взора свекрови. Сегодня она тоже воспользовалась такой возможностью: убралась в доме и теперь готовила ужин.

Благодаря хрупкому телосложению и небольшому росту, её живот стал заметен рано, а теперь, за пару месяцев до родов, он казался огромным, поэтому жалели и оберегали Тамару немного больше, чем других в её положении. Кто бы ей дал похозяйничать сегодня? Мать ходила бы по пятам, отец со своими нравоучениями, мол, дочка, нужно беречь себя!.. Да и Ваня устроил бы крики на весь дом. Как хорошо иногда побыть дома одной!

Саша, как говорила свекровь, купил квартиру для них с Ваней, но, как только Тамара узнала о беременности и рассказала остальным, родители настояли, чтобы отложить переезд до рождения ребёнка. Девушка сперва немного расстроилась, но потом решила, что Бог специально устроил так, чтобы она могла воспользоваться поддержкой более опытных людей во время беременности и только после этого начинать новую жизнь, в новой квартире. Конечно, в первую очередь она ждала поддержки от Светы, как от женщины, родившей троих сыновей. Но свекровь не проявляла особого внимания и заботы. По-крайней мере, в той степени, в какой ждала Тамара. Её это обижало, но, немного остыв, она спрашивала себя: «А не чересчур ли много внимания ты требуешь к себе? Во время беременности все становятся капризными...». Действительно, перепады настроения у Тамары случались часто, она и сама это заметила: то ей без причины становилось очень грустно, так, что слёзы катились ручьями по щекам, то весело, что невозможно было стереть улыбку с лица.

Однажды, сидя на кухне, Тамара раздумывала о будущей судьбе своего сына. Мысленно она вообразила его тяжёлую судьбу, и каждый его шаг казался суровым испытанием. Она представила сколько будет обид и трудностей в его жизни, как он будет мучиться, сколько болезней ему предстоит пережить и сколько разочарований.

– Чего ревёшь? – громкий вопрос свекрови, вошедшей в кухню, выдернул девушку из внутреннего мира. Света прошла мимо Тамары с тарелкой, небрежно уронив этот вопрос, не останавливаясь и даже не повернув головы в сторону невестки. Тамара поспешно вытерла слёзы:

– Да так, ничего. Просто подумалось.

Света поставила тарелку в посудомоечную машину и, повернувшись к Тамаре, спросила:

– Чего за ребёнка плачешь?

– Ну да, – не стала отпираться Тамара. – Думаю, сидит он там, в животе, и так ему хорошо, спокойно, тепло. Ни о чём не нужно заботиться. А скоро нужно будет выходить на свет – и вот жизнь уже начинается со стресса и шока. А дальше всё хуже.

Свекровь пренебрежительно посмотрела на неё и хмыкнула в ответ. Тамара заметила, что она хотела уйти, ничего не ответив, но потом передумала:

– Почему все считают, что ребёнку там хорошо? В животе? Сама подумай: сидит он там, скрюченный, скукоженный, в воде... Ты видела свою кожу, когда долго в воде сидишь? Вот и он. И всё, что у него есть – это пустота и темнота. Ну и смутные отголоски из нашего мира. Пока он неразвитой, ему, конечно, хватает. Он пришёл из ещё больших темноты и пустоты.

Поэтому пока в животе нормально. Он недоразвитый, лучшего не знает. Но выйдет наружу, задышит лёгкими, его кожа обсохнет и тоже задышит. Глаза раскроются, и он увидит свет. Мир станет больше, появится желание его узнать. Шок это? Стресс? Да, но нам нужен стресс, чтобы перешагнуть на новую ступень. После этого шока будет огромное облегчение. А потом всё заново. Он станет осваивать этот мир, который ему станет тесен однажды, и снова он испытает какой-то стресс и изменится. Потом снова и снова. Потом испытает стресс и перейдёт в другой мир. Но это уже всё философия. Так что не дури себе голову и не надо наплакивать ребёнку тяжелую судьбу. – Свекровь договорила и вышла из комнаты.

Света говорила не то, что хотела слышать Тамара, поэтому девушка не ощутила поддержки и подсознательно продолжила воздвигать барьер в своих отношениях со свекровью. В дальнейшем она старалась не делиться своими мыслями, переживаниями и страхами. Такая у неё была натура. Тамара не старалась понимать других, она сама хотела понимания. Впрочем, в этом они были со Светой похожи.

Боковым зрением девушка ощутила движение по стене. проскочила мысль, что кто-то из семьи вернулся домой, но было ещё слишком рано. Она испугалась и резко обернулась. Показалось, как будто чья-то тень мелькнула из кухни в коридор. Дыхание стянул страх. Тамара чувствовала себя неуклюжей и беспомощной в своём положении. Она, не отрывая взгляда от арочного проёма в коридор, отошла от плиты, взяла с обеденного стола телефон и набрала номер Вани. «Абонент не доступен».

– Да блин...

Девушке пришла мысль позвонить свекрови, но она её отогнала: «Наверняка, показалось. Потом будет смеяться надо мной».

Тамара взяла со стола кухонный нож и на цыпочках, стараясь не издавать ни звука и даже не дышать, прошла к коридору. Выглянула, но там никого не было. Так же осторожно она прошла к гостиной. Через открытые двойные двери заглянула в зал и тоже ничего не увидела. Страх ослабил хватку, и Тамара начала склоняться к тому, что ей действительно показалось. Она вошла в зал, огляделась по сторонам. «Ну, убедилась? Накручиваешь себя. Хорошо, что матери не позвонила». Для собственного спокойствия она решила осмотреть оставшиеся комнаты в доме, в которые вряд ли кто-то мог войти бесшумно, потому что двери были закрыты. Цыганка направилась к выходу из гостиной, но снова увидела движение чьей-то тени почти у себя за спиной. Даже не увидела, почувствовала. Тамара резко, со вскриком обернулась. Воздух в комнате словно замер. Впрочем, не только воздух, будто само пространство-время замерло. Она почувствовала себя словно в каком-то пузыре: звуки по-прежнему раздавались снаружи, но ощущались приглушённо, свет из окон стал абсолютно нейтральным. То есть он оставался прежним для глаз, но больше не раздражал яркостью и не заставлял глаза напрягаться. Конечно, в этом нет ничего удивительного, и Тамара, возможно, в другой раз просто не обращала внимание на мягкость света или приглушённость звуков, отсутствие холодных потоков воздуха или чрезмерную жару, но сейчас она заметила, потому что все эти нюансы создавали картину ощущения целиком. Оно стало необычным и словно разделяло реальный мир и внутреннее пространство комнаты. Тень от занавески шевельнулась и, с трудом колеблясь из стороны в сторону, приняла очертания мужчины в старомодной шляпе и с тростью.

– Что за... – страх словно ураган завертелся в груди Тамары. Движение тени отразилось в реальности, можно сказать, слилось с ней. Такое невероятное явление, воплотившееся в материальном мире, поколебало его полностью. Хотя скорее только внутреннее пространство комнаты. Оно прокатилось по этому пространству, словно волнами, будто брошенный в воду камень. Уголки обоев под потолком комнаты в нескольких местах по периметру одновременно отлепились от стен, а в центральных частях под обоями образовались пузыри. Тень заметалась, потеряв очертания.

– Я – Че... Я – Че... Бо... Че-бо... Я – раздались звуки словно растянутого, замедленного голоса. Как только тень вновь сумела приобрести очертания человека, звуки, издаваемые ей, стали похожи на нормальный голос, но в этот же миг занавеска колыхнулась, не понятно откуда образовавшимся сквозняком, и контуры потеряли форму. Голос оборвался.

Тамара онемела от ужаса. Она не могла сдвинуться с места, но не чувствовала страха по отношению к хлипкой тени. Ей казалось, что тень – это какой-то побочный эффект чего-то более страшного, какого-то невидимого гиганта, той части айсберга, которая скрыта в воде.

В следующее мгновение за окном туча перекрыла солнечный свет и образовала ещё большую тень в комнате, которая отделилась от тучи и вообще от того, что происходило за окном, проплыла по полу, поглотив трепещущую занавесочную тень и забилась в угол с иконами. Весь угол – с колоннами, рушниками, иконами, статуями Иисуса и Девы Марии – всё пышное религиозное убранство дома исчезло в непроглядной тьме.

Края обоев сверху и снизу сворачивались в рулоны, а пузыри в центральных частях увеличивались. Обои отклеивались, обнажая белую штукатурку под ними, но не отлетели полностью. Они остались висеть на стенах, прилепленные в особо крепких участках.

Тамара попятилась назад, дрожа от страха, готовая упасть в обморок в любую секунду. Она хотела просто бежать из дома, но чувствовала, что на каждое её движение уходила целая вечность. Собрав все силы, она попыталась развернуться, при этом стараясь не отключиться, но почувствовала, что падает. В это мгновение пузырь, в котором она находилась, лопнул. Девушка плюхнулась на диван у себя за спиной. Оказалось, что она каким-то образом пятилась назад – не к выходу, а к стене. Несколько минут она сидела неподвижно. Её трясло от страха и напряжения, но риск упасть в обморок исчез. Потихоньку отступал и страх. На дрожавших, ослабленных ногах цыганка подошла к иконам, которые словно не до конца вернулись из темноты – они были видны, но весь угол при этом оставался потемневшим. Тамара не могла понять, в чём дело. Она провела рукой по самой большой центральной иконе Божьей Матери, именно той, которой родители благословляли всех своих сыновей на брак. На её пальцах появились следы непонятной чёрной грязи, похожей на выгоревшее масло на сковороде, трудно смываемое и крайне неприятное на ощупь. Тамара потёрла пальцы и с отвращением скривила лицо. Она с недоумением смотрела то на пальцы, то на иконы, не зная, что делать.

Резкий стук снова перепугал её. Она подскочила на месте, громко вскрикнув и готовая расплакаться навзрыд. Но сдержалась. Стук повторился.

Тамара подошла к окну и через тюль увидела лицо цыгана. Он крутил головой из стороны в сторону, явно волнуясь и чего-то опасаясь. Девушка отодвинула тюль и открыла окно.

– Здорово, чай (Чай – здесь *цыг.* девчонка.)! Тётка, Тётка где?

– Кто? – полушёпотом спросила испуганная Тамара.

– Да Тётка! Ты что дурная? Света!

– Ты кто?

– Ой, ты – дурная. Я – Егор! Егор я! Бэнг. Слышала?

18

Тётка проснулась около полудня. Она чувствовала мерзкий запах гниения изо рта и состояние засушливости. Цыганка встала и дошаркала до ванной, чтобы умыться. Было ощущение, что тело её двигается в автоматическом режиме, управляемое ею же со стороны. «Неужели это от двух вчерашних стопок? Точно водка палёная была!» – сделала вывод Тётка и додумала: «Вообще больше пить не буду! От греха подальше! А то либо травонёшься, либо рехнёшься! Афанасий... Чеботарёв!» – Тётка усмехнулась. Она вымыла лицо холодной водой, не чистя зубы, прополоскала рот. Затем напилась холодной воды прямо из-под крана. Вкус хлорки во рту перебил запах гниения, хотя лучше не стало. От него затошнило, но при этом

хотелось есть. Денег не было, и следовало дожидаться завтрашнего дня – получения пенсии. Ещё через неделю съёмщики другой её квартиры должны внести плату за месяц. На эти деньги она и жила. Саша оставил хорошее наследство: ей дом на Гоголя и каждому сыну по трёхкомнатной квартире. Но после смерти сыновей в доме жить Тётка не смогла. Видя этот дом издали, она уже погружалась в черноту своей памяти, которая перечёркивала всё самое лучшее, что было там прожито. Этот дом проводил на кладбище всех, кто ей был дорог. А Тётка похоронила сам дом. Он словно умер вместе со всеми ними. Да и с частичкой её души. Она не захотела жить в нём больше, но и не хотела продавать. Порой он словно тянул её к себе.

Тётка переехала в одну из квартир, предназначенных сыновьям, две другие сдавала. Однажды она попала на мошенников, которые, узнав, что у старой пьющей цыганки никого нет, но зато есть много ценной недвижимости, долгое время втирались к ней в доверие и, напоив, выкрутили одну из квартир. Хотели забрать всё, что у неё было, но переборщили со спиртным – Тётка успела подписать документы на одну и отключилась. На утро, протрезвев, она пошла в полицию, но взаимоотношения полицейских и мошенников были налажены. «Коммерческие» копы отработали свои лёгкие деньги, объяснив цыганке, что «она всё равно ничего не добьётся» и что «ей должно быть стыдно в военное время со своими материальными вопросами обращаться». Убедить старую, неграмотную цыганку в том, что она ещё должна радоваться такому развороту событий, а не худшему, было легко, от того и деньги в этот раз были лёгкими.

Солнце светило в окно. В животе подсасывало, но Тётка знала, что в холодильнике пусто. Несмотря на это, она машинально открыла дверцу, надеясь на чудо. И чудо свершилось. Холодильник был полон. Салаты, запечённое мясо, жареная картошка, торт – еда, как из ресторана. Тётка уже совсем забыла, что вчера племянницы устроили ей праздник, а после праздников холодильник не бывает пустым.

Тётка достала один из салатов, хлеб, села за стол и с жадностью стала кушать.

– Кушать изволите? – раздался быстрый ехидный голос Афанасия Чеботарёва. – А семье вашей не кушается!

Тётка поперхнулась. Пища изо рта полетела по всему столу. Но, прокашлявшись и утерев глаза от слёз, она восстановила контроль. На этот раз она даже не поднялась со стула. Она молча встала, подошла к холодильнику, взяла пачку сока и выпила из горла. Затем снова вернулась и продолжила кушать.

– Прошу прощения, что отвлекаю... – снова зазвенел голос Чеботарёва, – Вы не могли бы закрыть шторы?

– Да что за хрень? – подскочила Тётка с места, швырнув вилку в сторону звучания голоса. Металл зазвенел по бетонному полу.

– Ну для чего же так волноваться? Закройте штору, пожалуйста.

– Зачем? – нервно отозвалась Тётка.

– Свет мне мешает. Не могу сосредоточиться. А разговор к Вам важный.

Старая цыганка молча подошла к окну и, несмотря на внутренний страх, задернула шторы. Конечно, свет всё равно проникал в кухню, но особенно в дальнем углу образовался полумрак. Там и вычертились контуры Чеботарёва.

– Спасибо! Так лучше!

– Ну и кто ты такой?

– Я же Афанасий! – с абсолютным недоумением ответила тень. – Чеботарёв!

– Это я поняла...

– А-а, хм... – спохватился он, – Простите! Я – язык, связной!

– В смысле «язык»? Разве у теней бывают языки?

– Нет! Вы не поняли. Я не просто тень! Я – дух, – с некоторой наивностью ответил Афанасий. – Я умер в 1874 году. Здесь, не далеко от вашего дома. Я, как и вы некогда, должен был

бы слиться с Тьмой, но лишь окунулся в неё и вернулся назад. Думал, что ошибка какая-то, а, оказалось, на меня были возложены особенные обязанности. Начальство же... оно такое, лишнее не поясняет: направили – значит так надо. Назначили «Посредником» – значит, так надо!

– То есть, ты «Посредник»?

– Да... «По середине»...

– А от меня чего надо?

– Буду стараться помочь Вам понять...

– Что именно?

– Цель, видимо...

– Что значит «видимо»? Ты что, сам не знаешь, зачем тебя послали?

– Нет, конечно! Я же дух! Тень! Я сейчас есть, через секунду меня нет таким, какой я есть сейчас. Снова – есть, и за то время, что есть, нужно самому понять, что нужно понять вам... Сумбурно, конечно... Проще говоря, я не всё понимаю оттуда, ибо я наполовину тут и не всё понимаю отсюда, ибо я наполовину там, и всё это одномоментно. Да! Сложно и запутано, но в итоге я исключительный агент на службе Великого Рационализатора!

– Хм... А по-моему, ты, рупуч, меня просто с ума свести хочешь.

– Нет, что Вы! Должен привести Вас к семье!

– То есть довести до крышки?

– Да нет... Ну нет... Ну что Вы? А, впрочем, всё может быть – это не моё дело! Моё дело сказать Вам, чтобы вы от них не отрекались, ибо они не желают вам зла! Вот и всё! Прощайте! – поспешив, завершил свою речь Чеботарёв и растворился на стене.

Тётка прислонилась спиной к стене и сползла по ней вниз:

– Боже, как я устала! Не желают мне зла. Зачем тогда являться? Зачем было меня пугать всё это время? Что они могут от меня хотеть, кроме моей смерти? Я – одна здесь! Они – все там! Ну всё же понятно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.